

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ОСЕННИЕ
ВИЗИТЫ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Осенние визиты

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127707
Осенние визиты: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-099433-5

Аннотация

Война Света и Тьмы идет не только между Дозорами. Однажды в нее окажутся втянуты и обычные люди. Именно от них зависит грядущая судьба нашего мира. Но Свет в этой новой войне далеко еще не означает Добро, а Тьма – зло.

Содержание

Сергей Лукьяненко	5
Часть первая	7
0	7
1	14
2	18
3	23
4	27
5	33
6	37
7	42
8	45
9	52
10	58
11	64
12	69
13	73
14	81
Часть вторая	85
0	85
1	89
2	94
3	99
4	104

5	112
6	115
7	120
8	124
9	129
10	134
11	140
12	149
13	153
14	159
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Сергей Лукьяненко

Осенние визиты

*Страшен и грозен он; от него самого происходит
суд его и власть его.*

Книга Пророка Аввакума

*Я раскрыл себе грудь алмазным серпом
И подставил, бесстыдно смеясь и крича,
Обнаженного сердца стучащийся ком
Леденящим, невидимым черным лучам.*
Сергей Калугин

*– Это только слова, – сказал Убивающий
Словом. – Только ветер, сорвавшийся с твоих губ.
Неужели ты думаешь, что я испугаюсь ветра?*
Ярослав Заров

Садитесь рядом. Садитесь, это будет долгая история. Я и сам не знал, насколько долгая, когда начинал ее рассказывать.

Вы любите страшные сказки? Я – нет. Во всяком случае, мне так казалось.

Но нам редко дано делать лишь то, что мы любим.

Главное, что следует запомнить вначале, – эта сказка не о Вас. Она могла случиться и она может случиться, но только не с Вами.

Вы в безопасности, в мире, который тверд и надежен. Вас нет в этой сказке, и если даже Вам покажется обратное – Вы ошиблись. Поверьте.

И если Вы дочитаете до конца и нечто темное коснется Вас – не пугайтесь. Просто страшная сказка, которую рассказывают страшные люди.

Эта сказка не о Вас.

Но если однажды ночью Вы проснетесь в пустой квартире от щелчка выключателя, не спешите поднять голову и спросить: «Кто там?»

Возможно, это окажетесь Вы сами.

Часть первая

Приход

0

Стены здесь были деревянными, но под некрашеными сосновыми плашками лежал свинец. Только дерево – пол из дубового паркета, стены из сосны, глубокое, но жесткое кресло, маленький круглый столик. На столе – открытая тетрадь, два остро отточенных карандаша, три свечи в грубо вырезанном из капа подсвечнике.

Вошедший в комнату мужчина плотно затворил дверь и сел за стол. Взял карандаш, поднес к глазам так, чтобы кончик грифеля заслонил пламя свечи. Придирчиво изучил заточку, потом пододвинул тетрадь поближе. Под последней записью, корявой, небрежной – «Дежурство сдал. Пятое октября, шесть часов вечера», – аккуратно написал: «Заступил на дежурство. Пятое октября, приблизительно шесть часов вечера».

Часов у него, конечно, не было. Армейских бюрократов это всегда приводило в ярость. Но спорить с эсперами они не решались. Себе дороже.

Откинувшись на высокую твердую спинку, он смотрел на пляшущие язычки пламени. Смотрел, постепенно расслаб-

ляясь, позволяя огоньку свечи заполнять весь мир. Дрожащее пламя вокруг, он в центре. Дежурство принял...

Если открыть дверь, единственную, ведущую из деревянной комнаты, то взгляду открывался длинный полутемный коридор. Лишь в конце его тускло светил матовый плафон, как бы отмечая границу, за которой вновь начинался двадцатый век. Шесть таких коридоров сходилось в маленьком зале, где были два лифта, наглухо закупоренная аварийная лестничная шахта, вентиляционный штрек и потертый, оббитый жестью стол. За столом молодой капитан в форме внутренних войск перелистывал ветхий номер «Андрея», забытый здесь невесть кем и невесть когда. К внутренним войскам он имел столько же отношения, сколько и к железнодорожным. Объект «пси» когда-то подчинялся ГРУ, но последние десять лет был выделен в особую единицу, подотчетную непосредственно президенту.

Пройдя мимо скучающего капитана, в очередной раз знакомящегося с историей российской эротики, можно было вызвать лифт. Самая обычная красная пластиковая кнопка, как и положено, находилась на стене возле раздвижных дверей. Еще одна кнопка, подтверждающая вызов лифта, маленькая и неприметная, была вмонтирована в стол. Кроме того, во время трехминутного движения к поверхности капитан должен был позвонить по телефону и подтвердить, что в лифте «свой». Этот странный порядок выхода появился в шестьдесят девятом году (коридоров тогда было только три,

а телефон на столе был армейский, железный), после того как один из эсперов задушил дежурного, забрал его пистолет, поднялся наверх, перестрелял охрану и в течение двух часов делал что-то со стационарной армейской радиостанцией.

Караульный взвод уложил сумасшедшего без особого труда и дальнейших потерь. Но трехлетняя работа одного из сибирских «ящиков» так и не дала ответа на главный вопрос: что делал эспер, зоолог по образованию, с радиостанцией, почему хиленькие кремниевые транзисторы не перегорают при напряжении двести семьдесят вольт, откуда это напряжение берется и куда уходит с антенны, закрученной в виде раковины каури.

Теперь любой последователь бедного зоолога встретил бы наверху, в приемной, не только хорошо вооруженную охрану, но и простенькое устройство, при звуке выстрелов или громких криках запирающее двери и наполняющее помещение слезоточивым газом.

Если же все было в порядке, то, поднявшись по лестнице из приемной – огромного и тоже подземного комплекса, можно было через подвал войти в здание Института средств наглядной агитации – режимного предприятия, призванного повышать моральный дух бойцов когда-то советской, а ныне российской армии. Из Института уже без особых проблем можно было попасть на старую улочку в центре Москвы. Руководство объекта «пси» тихо гордилось двумя вещами: тем, что ни одна иностранная держава не знает о его существова-

нии, и тем, что нигде, даже в Штатах, по данным разведки, подобного объекта нет.

Мужчина, сидящий сейчас в деревянной комнате, был одним из эсперов «пси». Насколько он мог судить, их группа насчитывала почти четыре десятка человек, с тремя другими эсперами он даже был знаком. Приложив некоторые усилия, он мог узнать точную цифру, но работа в «пси» давно приучила его не стремиться к излишним знаниям. Через два дня, на третий, он приходил в Институт средств наглядной агитации, предъявлял пропуск, спускался на минус первый этаж, предъявлял другой пропуск, затем произносил в микрофон стихотворную строфу, которая была паролем этого месяца. Однажды, слегка охрипнув, он продекламировал бессмертную фразу о дяде, который был честных правил, но не в шутку занемог. Прележав полчаса под дулом автомата на бетонном полу, эспер едва не повторил его судьбу. Уже несколько лет в «пси» собирались установить систему идентификации по сетчатке глаза, но пока дальше разговоров дело не шло. Возможно, потому, что польза «пси» всегда была под вопросом у руководства.

Когда-то мужчина работал во втором коридоре подземного центра. Отсидевшая по двенадцать часов в почти такой же комнате, он занимался очень странным делом: размышлял, не запущены ли американские или китайские ядерные ракеты в сторону России? Однажды он почувствовал – болезненно ясно, почти увидел, как из льдистой серой воды выпрыги-

вают титановые туши «Поларисов», зависают, танцуя на огненном столбе, и медленно отправляются в свой последний путь. Глотая ставший колючим воздух, он выбежал из комнаты

параграф первый: в случае предвидения...

и заорал на дежурного за обитым жестью столом,
а если ошибка? если бы ошибка... только бы ошибка...

спеша успеть, хотя что можно было сделать, если он увидел случившееся?

Дежурный, вылавливая телефонную трубку, медленно бледнел. И вдруг эспер почувствовал, как его отпускает,

ракеты уже не выпрыгивали из воды, зато на ребристом стальном полу лежал пожилой мужчина в чужой военной форме, и кровь текла из пулевого отверстия в виске

как будущее, не успев случиться, становится лишь возможным.

Потом его отпаивали коньяком, а поднятые с постелей коллеги пытались прощупать еще хоть что-то. Почти месяц он ходил, ожидая решения руководства о своей профпригодности. Это был очень долгий месяц, пока разведка вылавливала крохи сверхсекретной информации о сошедшем с ума американском адмирале...

Эспера повысили в звании, отправили с семьей в санаторий и премировали – очень крупной суммой.

Работать в группе предупреждения ракетного нападения он после этого не смог. Уж слишком четко помнились се-

рые конусы обтекателей, выныривающие из вспененной воды. Ему предлагали перейти в группу предупреждения промышленных катастроф

Да, Чернобыля ребята не увидели, но Чернобыль должен был быть лишь третьим в ряду атомных аварий

или в группу социальных конфликтов. Но он выбрал самый новый сектор «пси» – группу общепланетарных опасностей.

Какие опасности они должны были предугадывать – никогда четко не формулировалось. Как говорил один из эсперов – от землетрясения на Тайване до угасания солнца... Но пока, за два года работы, никаких предупреждений отдел выдать не смог.

Устроившись поудобнее – дежурство будет длиться шесть часов, – эспер уже не в первый раз подумал о том, что отдел «общепланетарных опасностей» был даже не данью политической моде, как он решил вначале – какие, к черту, общечеловеческие ценности в их организации? – а просто си-некурой для отработавших эсперов. Те, кто подобно ему переживал яркий «прокол реальности», нормально функционировать уже не могли. Психика подводила, то подкидывая ложные предвидения, сотканые из воспоминаний, то старательно не замечая настоящих опасностей. Но пенсии у эсперов не существовало. Вывести людей из штата, но сохранить при этом охрану и наблюдение за ними в полном объеме – этого не тянул даже бюджет «пси». Вот и был изобретен но-

вый сектор, безобидный и непритязательный.

Одна свеча догорала. Мужчина затушил фитилек – легкая струйка дыма уплыла в вытяжную решетку, пошарил в столе в поисках новой свечи. Никто не знал, почему электрическое освещение, металл, пластмасса гасили экстрасенсорные способности. Это было принято как аксиома, и...

тяжесть в висках

помещения эсперов оборудованы...

пламя, пламя перед глазами, огонек на свече вырос в целый факел, что со мной?

Что со мной?

прокол

Он вдруг увидел – увидел так ясно, что знаменитый, снискавший ему славу прокол с «Поларисами» стал лишь бледной акварелью на фоне многоцветного пейзажа. Он увидел лица – только лица. Шестеро...

И за ними – смерть.

Мужчина не успел выйти из-за стола, повалился лицом в теплый воск потушенного огарка. Остановилось сердце – просто сжалось и не захотело разжиматься. Словно решило – хватит.

Боли не было. Эспер сползал на пол, а перед глазами мелькали картины – будущее, за которым он был поставлен надзирать, которое должен был предотвратить.

Даже умирая, в те секунды, пока лишенный кислорода мозг продолжал жить, он пытался понять, что же наполнило

его этим запредельным ужасом, имя которому – смерть.

Он понял.

И умер с сознанием человека, которому повезло, который – пусть и дорогой ценой – успел спастись.

Анатолий Владимирович Шестаков, подполковник, никогда не надевавший формы, тридцатисемилетний эспер, которого по традиции «пси» никогда не звали по имени, лежал в деревянной комнате глубоко под московскими улицами и улыбался.

Догорела вторая свеча, и сумрак раздвинул стены, делая комнату просторной и торжественной.

Потом, замигав, сжался в искру фитилек третьей свечи. И наступил мрак, в котором не было ни размеров, ни времени, ни страха.

1

Человек, полчаса простоявший на холодной лестничной площадке между двумя этажами, спиной к решетчатой шахте лифта, обычно имеет для этого основания. Он может быть основательным и неторопливым курильщиком, запасующимся никотином на ночь, может забыть ключи и ожидать опаздывающую супругу, может вылавливать должника.

Илья Карамазов не курил и никогда не был женат. В какой-то мере к нему подходил лишь третий вариант. Глядя на ровную темно-голубую краску стен, он ждал терпеливо и

безучастно. Временами он прикрывал глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Может быть, так оно и было.

Минуты текли неторопливо, и мало кто выдержал бы, не меняя ни позы, ни выражения лица. Но у Ильи был богатый опыт таких ожиданий. Он лишь изредка переминался на месте, а однажды поежился, резко передернув плечами. Осень была холодной и затяжной.

Где-то вверху хлопнули тяжелые двери, и он слегка подобрался. Гулкие шаги на площадке, тишина, клацанье включившегося лифта. Илья вновь расслабился.

Работа не терпит суеты.

Когда шаги послышались снизу, лицо Ильи приобрело любопытное, почти по-детски нетерпеливое выражение. Он ждал шума поднимающегося лифта, но моторы молчали. Прекрасно. Его клиент никогда не упускал возможности подняться на второй этаж пешком. Ежедневный моцион бизнесмена, слишком ленивого и немолодого, чтобы играть в теннис...

Илья достал из глубокого кармана плаща «ПМ» и сдвинул предохранитель. Плавно сместился вдоль лифтовой шахты, так чтобы сквозь решетку видеть дверь девяносто второй квартиры. Приятно работать в больших домах – это очень здорово, что у тех, кто имеет средства на собственные особенки, до сих пор развито стремление «не выделяться».

На лестнице показался человек – серый плащ почти тако-

го же покроя, как у Ильи, с удобными большими карманами, короткая стрижка. Карамазов замер в спасительной полутьме подъезда. *Этот* почувствует любое движение. *Этот* – достойный соперник. Азарт колкими искрами пробежал по телу.

Человек вышел на площадку, встал между дверьми девяносто первой и девяносто второй квартир. Илья отвел взгляд от его лица. Они могли почувствовать друг друга – два человека в плащах с глубокими карманами, чей путь пересекся из-за третьего.

Потом показался и клиент. Пожилой, грузный, одетый чуть небрежно. Немодное пальто, шляпа чуть ли не советских времен.

– До завтра, Игорь, – звякая ключами, сказал клиент. Телохранитель не ответил. Он продолжал смотреть на лестницу – не видя, *но чувствуя*. Мягко открылась тяжелая бронированная дверь.

– До свидания, Эдуард Петрович.

Телохранитель дождался, пока дверь закрылась, и пошел вниз. Неуверенно, словно чувствуя, что сделал не все необходимое.

Илья действовал не раздумывая. У него были лишь секунды – те секунды, пока клиент снимает пальто и разуваётся, пока он уверен, что его охранник еще рядом. Илья пошел вниз по лестнице, неосознанно копируя и темп, и манеру движения телохранителя. В миг, когда тот выходил из подъ-

езда, Илья оказался у двери и нажал кнопку звонка. Где-то рядом, неслышная за толстыми стенами и пуленепробиваемой сталью, замурлыкала веселенькая музыка.

Внизу хлопнула дверь подъезда. И в унисон ей открылась дверь квартиры.

– Что, Игорь?.. – Человек осекся, глядя в лицо Ильи. Карамазов толкнул его коротко и сильно, отпихивая в глубину коридора. Стрелять в упор – небольшое удовольствие.

«ПМ» хлопнул два раза, вначале почти неслышно, потом с легким, невнятным звуком. Эдуард Петрович все с тем же удивлением на лице повалился на янтарно-желтый паркет. Илья задумчиво посмотрел на тело. Контрольного выстрела в голову он не делал никогда – во-первых, это придавало убийству почерк непрофессионала, во-вторых, позволяло родным по-человечески проститься с покойным. Раньше он стрелял только один раз, но с полгода назад, услышав, что у некоторых людей сердце расположено справа, стал делать дополнительный выстрел. На всякий случай.

Оставалась последняя формальность, входившая в стоимость заказа. Ее полагалось сделать перед акцией, но Илья не видел большой разницы между мгновением до и мгновением после.

– Это проценты по известному тебе кредиту, Эдуард Петрович, – морщась от напыщенной бессмысленности фразы, произнес он. Работа на экспансивных южан всегда связана с подобными глупостями, но этой осенью было не слишком

МНОГО ЗАКАЗОВ.

...Из подъезда серого «сталинского» дома Илья вышел после того, как аккуратно проверил, нет ли пятен на плаще. Прошел длинным двором мимо кучки подростков, оккупировавших беседку. Грязно-желтые листья устилали асфальт недолгим осенним ковром. Накрапывал мелкий дождик, и прохожие были торопливы. Хороший день для работы.

Пройдя мимо рядов киосков и маленького базарчика, он смешался с толпой, втекающей на станцию метро. Четыре часа от «Электрозаводской» до «Комсомольской» было вполне достаточно, чтобы расслабиться окончательно. В переходе Илья купил пару газет и рассеянно просмотрел их в вагоне, поглядывая то на текст, то на стоящую в нескольких шагах девочку лет десяти. Девочка была очень серьезная и деловитая, ее сосредоточенное лицо вполне подошло бы взрослой женщине. Илье такие нравились.

Ему захотелось побыстрее попасть домой.

2

Кирилл любил осень.

Если мы спросим себя, как отражается на человеческой судьбе любовь к тому или иному времени года, то вряд ли найдем ответ. Связь, наверное, есть, но какова она – не подскажет самый талантливый психолог. Можно любить зиму

и нести в себе тепло, можно предпочитать лето, оставаясь осколком льда.

Кириллу нравилась осень, и не та багряно-золотая, воспетая Пушкиным, а самая обычная московская – с тоскливым серым небом и холодным влажным ветром, гуляющим по проспектам. Он никогда не пробовал разобраться, какие струны задевают в его душе слякоть и дождь. В тринадцать лет редко задаются такими вопросами. Но аналогия с Пушкиным ему слегка льстила. Когда тебя с четырехлетнего возраста называют поэтом, это может привести к чему угодно – но только не к заниженной самооценке.

Для своего возраста он был высоким, но хрупким мальчиком с совсем еще детским лицом. Многие его сверстники уже раздавались в плечах, грубели, с достойным лучшего применения упорством превращаясь в пародию на взрослых. Кирилл еще оставался мальчишкой.

Скажи кто-нибудь, что он этому рад, Кирилл бы искренне возмутился. Однако это было именно так.

Кирилл Корсаков боялся взрослеть.

Он ушел из школы после третьего урока – занятия никогда не казались ему чем-то, требующим особо серьезного отношения. Какое-то странное настроение владело им с утра – давным-давно, в ту пору, когда его прозвали «самым юным в мире поэтом», Кирилл называл такое настроение «стишным». Он употреблял это словечко и сейчас – когда надо было оправдаться за невыученное задание или увильнуть от

какой-нибудь домашней работы. В школе это уже перестало помогать, а вот дома... «Мама, у меня стихное настроение», – фраза всегда действовала безотказно.

Единственной проблемой было то, что Кирилл давным-давно не писал никаких стихов.

– Ты куда сейчас? – Одноклассник Кирилла Максим Слугин, убежавший с последних уроков «за компанию», обнял его за плечи. Наверное, это был самый странный из друзей Кирилла – крепкий, абсолютно прямолинейный паренек, непонятно как и зачем переходящий из класса в класс. Из поэтов он знал только Пушкина и Корсакова, причем в правильности своих знаний был уверен ровно наполовину. При этом он сохранял трепетное уважение к чужому таланту – возникшее с первого класса, когда Кирилл за один день наградил всех ребят стихотворными дразнилками.

– Домой.

– Стихи писать?

Самым простым выходом было кивнуть, что Кирилл и сделал.

– Угу, – удовлетворенно буркнул Максим, доставая сигареты. Ловко закурил, не замедляя шага и демонстрируя хороший опыт в этом занятии. – Давай пива попьем?

– У меня денег нет, – соврал Кирилл.

– А я угощаю.

– Холодно, горло заболит.

Максим пожал плечами. Проблем с ангинами у него ни-

когда не было, и он на всякий случай уточнил:

– «Медведя» возьмем, он крепкий, простуду, как водка, лечит...

– Да не хочу я, отвяжись!

– Как знаешь, – не обижаясь, сказал Максим. – Ну, давай пиши. Потом прочитаешь.

Последняя просьба была традиционной и совершенно не обязательной для выполнения. Слугин довольствовался дружбой с поэтом, сами стихи его не слишком волновали. У ближайшего ларька он отстал, придирчиво разглядывая шеренгу пивных банок.

Кирилл свернул на первом же повороте, чтобы добродушный, словно теленок, и липкий, как скотч, Максим не передумал и не бросился догонять его с банкой в руке. Потеряв Кирилла из виду, он через минуту забудет о его существовании, как, впрочем, и сам Корсаков.

На бегу Кирилл наткнулся на какого-то парня, вяло ругнувшегося вслед, завернул еще раз и остановился на углу, обтекаемый редкими прохожими. Он понял, что безумно хотел остаться в одиночестве. Что-то было неладно, но он никак не мог понять, что именно.

Он вдруг почувствовал, что задыхается. Ничего конкретного – просто не хватает воздуха. Когда-то такое было с ним, если упорно не шел уже совсем-совсем придуманный стих. Ощущение было в чем-то даже слегка приятным – после у него получались действительно хорошие строчки. Но сейчас

о стихах не было и речи. Лишь давящая пелена.

– Мальчик, тебе плохо?

Пожилая женщина из тех, что регулярно пишут письма в газеты, помогают пьяным на остановках сесть в нужный троллейбус и терроризируют продавцов в супермаркетах, остановилась возле него.

– Ты не болен? Никакой гадости не глотал?

Кириллу сразу стало легче.

– Оставьте меня в покое! – звонко выкрикнул он. – Ничего я не глотал!

Женщина, оскорбленная в лучших чувствах, мгновенно двинулась дальше. Кирилл проводил ее растерянным взглядом.

что это со мной?

Он медленно пошел, машинально следуя за женщиной. Та, отойдя немного, обернулась, увидела идущего за ней мальчишку и ускорила шаг. Малолетний наркоман – не слишком полезный для здоровья собеседник. Кирилл, опомнившись, остановился.

Еще час назад он собирался побродить по старым улицам центра. Теперь же ему и впрямь захотелось оказаться дома. Закрыться в своей комнате, избавиться от... от чего?

от давящего взгляда...

Он сам поразился той легкости, с которой далась разгадка. Просто «взгляд в спину»... Кирилл обернулся, подозрительно рассматривая прохожих. Никого, кто бы хоть мимо-

летно посмотрел на мальчугана с испуганными глазами. Никого... Да и не могло быть – это ощущение, душное ощущение чужого взгляда, преследовало Кирилла с самого утра. И дома, и в школе. Оно лишь нарастало – с каждой минутой, накатывая, словно морская волна на пологий берег.

Кирилл подавил безумное желание разреветься и побежал обратно – к метро, в смутной надежде, что под землей, в рвущейся во все стороны толпе, «взгляд в спину» исчезнет.

Через десять минут он понял, что это была напрасная надежда.

3

Только молодые могут называть старость временем покоя. Их ошибка пройдет, как любые ошибки, когда они сами постареют.

Аркадий Львович стоял у запотевшего окна, глядя на морозящий дождь. Дождь – не огонь и не морская волна, на него нельзя смотреть бесконечно, погружаясь в почти живое движение. Дождь всегда умирает: даже для ливня всемирного потопа был сорок первый день.

Это была последняя осень – и дождь нес с собой последнее горькое утешение.

Медленно повернувшись, Аркадий Львович вслушался в собственное движение. Ничего – ни боли, ни даже малейшего дискомфорта. То, что убьет его, еще дремало, набирая си-

лу.

Жизнь никогда не сдается без боя – но и никогда не побеждает смерть.

– Папа, я ухожу, – донеслось из коридора.

Аркадий Львович прошел через комнату, где незаправленная кровать терялась среди стеллажей с книгами. Когда-то давно ему сказали, что эта комната похожа на декорацию из фильма об известном ученом. Он ответил не раздумывая: «Я и сам декорация». И лишь много позже понял, что это правда.

Зять зашнуровывал ботинки, согнувшись с мучительной решимостью толстого человека. Покосился на вышедшего в коридор тестя.

– Продукты в холодильнике. А чайник я поставил на огонь.

– Спасибо, Андрюша.

Аркадий Львович любил зятя так, как только можно любить человека, не оправдавшего ни худших надежд, ни лучших ожиданий. Андрей никогда, ни двадцать лет назад, ни сейчас, не смотрел на жену-еврейку как на средство передвижения, а на тестя-профессора – как на трамплин в карьере. Правда, он так и остался, теперь уже, очевидно, навсегда, совершенно бесталанным и рядовым ученым. Но это уже от Бога, а все доступное человеку Андрей выполнил честно.

– Вера заглянет завтра, – выпрямляясь, сообщил он. – Приберется... ремонт бы вам сделать, Аркадий Львович...

«После, – завертелось на языке. – Перед продажей».

Аркадий Львович никогда не старался понять, какую роль в любви родных играет его квартира. Но в любом случае она сгладит им печаль.

– До свидания.

– До свидания, Андрей.

Он запер дверь и прошел на кухню, где неторопливо закипал чайник. Придирчиво заглянул в холодильник – лианозовский кефир и царицынская колбаса. Хорошо. Человек, знающий, что жить ему осталось полгода, по-прежнему ценил маленькие радости жизни.

Аркадий Львович встал у кухонного окна. Не все ли равно, в какую сторону смотреть человеку, стоящему в центре дождя? Проводил взглядом прыгающего по лужам зятя. Комичное зрелище... не всегда умение жены вкусно готовить идет на пользу мужу.

С этой стороны дома окна выходили в нешумный короткий переулок, не испохабленный ни обилием магазинов, ни вывесками контор «по продаже чего угодно». Сквозь сеточку дождя старик смотрел на ровный ручеек прохожих. Большинство спешили. Только на углу, через улицу, замерла тоненькая фигурка мальчика – то ли рассматривающего что-то, то ли неожиданно погрузившегося в свои мысли. Странный паренек.

Закипел чайник, и Аркадий Львович на секунду отошел к плите. Когда вернулся, мальчика на углу уже не было. Он

бежал торопливо, словно спасаясь от чего-то...

Забавно. Почему от «чего-то», а не от «кого-то»? Проекция собственных ощущений подступающей смерти на ребенка, еще и не задумывавшегося на эту тему? Аркадий Львович отвернулся. В мальчишке было слишком много жизни и нетерпения, смотреть на него оказалось неожиданно тяжело.

Он приготовил нехитрый завтрак обстоятельно и деловито, как привык делать все на свете. Налил крепкий чай, усмехнувшись про себя: «Аркаша, какой у тебя всегда вкусный чай...» Да. Не жалеете заварки...

Впрочем, не все успели в охаянные советские времена добиться достаточного успеха, чтобы следовать этому простому правилу. Многих нынешняя свобода лишила всего арестантского сервиса, ставшего таким привычным и должным. Сам Аркадий Львович никогда не высказывался о политике, за исключением той простой констатации, что любая власть – дерьмо. Он ухитрился поступить в университет еще при жизни Сталина, защититься при Хрущеве, стать профессором и вдоволь поездить по миру при Брежневле. Не помешали ни фамилия – Зальцман, ни беспартийность. Конформизм? Возможно. Но его твердая убежденность, что дураки и умные произошли куда раньше, чем коммунисты и капиталисты, так и не была опровергнута временем.

Он вымыл посуду и снова вернулся к окну. На столе ждала начатая еще с полгода назад статья – Аркадий Львович старательно подбирал остающиеся долги. Маленькое счастье

знания – уйти, не оставив за собой невыполненных дел.

Но вначале стоит чуть-чуть прибраться в квартире.

– Я словно жду сегодня чего-то, – сказал он вслух. И на этот раз не удивился фразе. Да, именно «чего-то».

И оно придет. Раньше, чем смерть, – может быть, ее вестником.

4

– Раскрой мне судьбу, – сказал человек.

– У тебя нет судьбы, – ответила сфинга.

– Тогда – умри.

Человек отвернулся от жалкого логова в песчаном откосе, от хрупких рыжих костей, крошащихся под лапами чудовища, от пепельных струек пыли, текущих, как умирающий дым. Впереди была дорога – стальные нити на бетонной полосе и блики заката в стеклянных иглах осколков.

За его спиной древнее как мир существо выгнулось в судороге. То, что оно привыкло дарить другим, приближалось к сфинге.

– Нет... Нет, Убивающий Словом... Я не могу умереть.

Человек стал насвистывать. Мелодия рождалась и умирала между склоном холма и бесконечной равниной. Потом в нее вплелись слова:

Вечер приходит даже к слепым,

И к бессмертным приходит смерть.
Дар умирать дарован одним,
Другим – лишь дар умереть.
Выровнен свет с подступившей тьмой,
Утро встретит лишь прах.
Я примиряю тебя с тобою —
Жившая в двух мирах...

Сфинга привсталала – львиное тело, бронза шерсти и прекрасное женское лицо, золото волос – все подернулось пеленой. Лишь в глазах еще жил яростный желтый огонь.

– Подожди, Убивающий Словом... Я не вижу твоей судьбы, но скажу, кто знает ее.

Человек остановился. Тишина – музыка смерти. И снова голос...

Тленью – тлен, движенью – остов,
Стой, ожидая последних слов.

Сфинга выпрямилась, став выше человека. Ярость, ненависть и страх смешались в ее голосе:

– В мире снов, недоступных тебе... в мире снов, человек. Там знают твое предназначение. Там твои корни – но тебе их не найти.

– Спасибо, – сказал человек и посмотрел на сфингу – долго, прощально. – Теперь – слушай...

Сфинга захрипела.

Щелчок по клавише – и компьютер проглотил написанную страницу. Ярослав не любил прерываться посреди строчки, но ему перестало «писаться».

Ничего, бывает.

Он пролистал текст к началу. Полюбовался, как аккуратно все выглядит на экране. Ровненькие строчки, приятный шрифт и такой же гладенький текст. Любая вещь поначалу пишется легко, и фэнтези, сказка для взрослых, – не исключение. А эту повесть, «Книги Пути», Ярослав начинал писать давным-давно, когда еще не знал, как включить компьютер. Писал он тогда хуже... наверное. Но зато как легко, Боже мой, как легко. И не нужно было подстегивать себя кофе с коньяком, сигаретами, музыкой. Он просто сел и писал – на громыхающей, изящной, как кусок чугуна, «Москве». И строчки были кривыми, а ошибок раз в пять побольше... Но писалось так легко!

Он налил из джезвы остаток кофе. Щедро сдобрил сахаром и коньяком. Попробовал... да, пожалуй, этот кофе придется пить залпом. Ну, поехали. Здравствуй, желудок; привет, сердце; как дела, печень? А теперь самое приятное добавление к кофе – сигарета. Хеллоу, легкие!

Быть писателем – занятие слегка самоубийственное. Некоторые справляются без стимуляторов. Но некоторым уже мало алкоголя и сигарет.

Три книги в год – иначе не выжить. И пусть две из трех будут халтурой, массовым чтивом, космическими операми

и фэнтези. Главное – продать рукопись, остаться в десятке, быть на слуху. Любая профессия имеет неписанный закон – вначале ты работаешь на авторитет, потом авторитет работает на тебя. Увы, в литературе авторитет держится недолго... да и не существует вообще, за малыми исключениями. Любой текст – вызов каждому умеющему читать. Самим фактом своего существования он требует несогласия. И это правильно, наверное. Что ни говори, а литература может научить лишь одному – не соглашаться.

Ярослав вышел из «Виндоуса», поглядел секунду на жовто-блакитную нортоновскую таблицу. И запустил «Визит во тьму» – любимую игрушку последнего месяца. Честную, незатейливую игрушку по маханию мечом. Халтура после халтуры...

Задумав «Книги Пути», Ярослав не считал их чтивом. Во-все нет. Хотел рассказать о любви и ненависти, о том, как мальчик становится мужчиной, о том, что никакие победы не стоят дружбы и любви...

Он стал умнее с тех пор? Или циничнее?

Игрушка терпеливо ждала. Маленькая фигурка рыцаря стояла на опушке леса, опираясь на длинный двуручный меч, поглядывая то вперед, то сквозь экран на Ярослава. Он курил, глядя на плывущие по экрану облака, гнущуюся от ветра траву, посверкивающие в чаще глаза. Нарисованный мир, нарисованный герой, нарисованные страхи. Он занимался тем же. Рисовал опасность и победу, ненависть и любовь. Он

просто-напросто умел рисовать словами.

Рыцарь на экране пожал плечами, поднял меч. И двинулся к нарисованному лесу. Даже у придуманных героев есть право выбора.

Откинувшись в кресле, Ярослав прикрыл глаза. Странный день. Все как обычно – утренний поход за продуктами и сигаретами, возня с компьютером – этим маленьким миром в себе, новые страницы текста – единственное, что он умел делать. Все в порядке. Но почему-то его не отпускало напряжение.

Драка. Вся жизнь – драка. Можно уйти от политики, от карьеры, от любви, спрятаться за куском холста или листом белой бумаги – все равно жизнь останется поединком, просочится в краски картины и строчки текста. Иначе они никому не будут нужны. Жизнь лишь материал, через который смерть осуществляет себя, не более того. И чтобы сказать о любви, приходится говорить о ненависти.

Ярослав, не глядя, протянул руку и отключил компьютер. Едва слышный шум вентилятора стих, и обрушилась тишина. Рабочий вечер окончен.

Телефон зазвонил в ту же секунду – словно терпеливо ждал, пока он кончит писать. Захлебывающаяся скороговорка междугородки... Ярослав потянулся к трубке.

– Будьте добры, пригласите к телефону...

Манера говорить у Степана никогда не менялась.

– Привет. – Он покосился на часы. Да, москвичи никогда

не вспоминают о существовании поясного времени. Маленькая слабость столичных жителей – впрочем, Степан знал, что он работает по ночам.

– Добрый вечер. Не спишь?

– Нет.

– Я недолго. Ты помнишь о предложении «Барельефа»?

– Конечно.

– Они согласились на твои ставки. Подпишешь контракт?

– Ты их предупредил, что я не верю в экстрасенсов, инопланетян и прочую муть?

Далеко-далеко, за тысячи километров, Степан засмеялся.

– А им-то что? Они тоже не верят. Главное, чтобы ты убедил читателей.

Ежемесячные статьи в популярном и преуспевающем журнале... Ярослав не собирался лукавить ни перед собой, ни перед другом.

– Хорошо. Подумай, как передать договор.

– У них есть собкор в Алма-Ате, запиши телефон...

– Диктуй.

– Только не увлекайся. Халтура затягивает. Ты свой роман успеешь дописать?

Ярослав секунду помедлил. «Книги Пути»? Успеет, конечно. Он всегда успевал.

Тогда откуда же эта тревога...

– Диктуй номер, – сказал он.

Рашид Хайретдинов со страдальческим лицом полулежал на диване. Поза не шла ни ему самому – слишком плотному, чтобы выглядеть изнуренным болезнью, ни дорогому костюму, словно специально созданному легко мнущимся.

– Может быть, мне подойти вечером? – Референт был воплощенным сочувствием.

– Ничего, ничего, Толик... – Рашид Гулямович потянулся за стаканом с теплой минералкой, стал пить ее мелкими глотками, словно лекарство. – Пройдет. Ты говори.

– Рейтинг упал почти на два процента, – осторожно сказал референт. – Пока еще вы проходите, но если тенденция сохранится, то перевыборы вы проиграте.

– Плохо. – Рашид отставил стакан. – Но, знаешь, ты меня не удивил. Я с утра это чувствовал. И какие рекомендации?

– На национальном вопросе нам сыграть не удастся. – Референт позволил себе виноватую улыбку. – В экономические обещания никто не верит. Только конкретные вопросы, если поднять их в хорошо рассчитанный момент...

– Преступность, – предложил Хайретдинов. – И что-нибудь массовое. Не гонения на банки или убийства бизнесменов, а... – Он замолчал.

– Право на ношение оружия, расстрел насильников, изоляция гомосексуалистов...

– Старо. – Хайретдинов покосился на рабочий стол. – Компьютерный терроризм. Деньги и секреты России уплывают за рубеж – все из-за компьютеризации. Страна обнищала, польстившись на заокеанскую приманку. Каждый компьютер – троянский конь. Понимаешь? Народ не знает, с какого бока подойти к машине. Для него она... э... показатель того, что он глуп. Если рассказать пару жутких историй – золото партии, уплывшее по проводам в Израиль, например...

Референт кивнул.

– Подумайте. – Рашид Гулямович просунул ладонь под рубашку, помассировал живот. – Посчитайте. Сколько потеряем, сколько получим. Откуда запустить проблему – и когда отреагировать.

– Хорошо.

– Ну иди.

Он проводил референта доброжелательным взглядом. Старательный парень, немножко себе на уме, но в меру. С таким можно долго работать, не ожидая предательства... хотя его и стоит ожидать всегда и везде.

Слегка морщась, народный депутат от Саратовской области поднялся с дивана. Сколько раз уже он зарекался пить вино... с его-то больным желудком. Ну ничего. Зато разговор был долгим и полезным.

Дверь кабинета приоткрылась, донеслось:

– Рашид Гулямович...

– Входи, Танечка. – Хайретдинов замер возле кресла. Ему

долго пришлось учиться вставать в присутствии женщин, но зато теперь он не делал исключений даже для собственной секретарши.

– Вам звонят, Рашид Гулямович, а вы отключили телефон.

– Кто звонит?

– Владимир Павлович.

– Соедини. – Хайретдинов опустился в кресло, снял трубку.

– Рашид?

– Слушаю тебя.

– Ужасная новость. Три часа назад убили Семенецкого.

– Что ты говоришь... – Рашид Гулямович потянулся за сигаретой, размял ее в пальцах. Раньше он предпочитал курить трубку, но это слишком удачно обыграли в одной карикатуре, подчеркнув его легкое сходство с «отцом народов».

– В подъезде собственного дома. Застрелили.

– Эдик, Эдик... – Хайретдинов вздохнул затягиваясь. – Что ж, все под Богом ходим... Убийцу-то схватили?

– Да что ты... Предполагают, что его застрелил собственный телохранитель.

Рашид Гулямович улыбнулся. Скорее всего как и собеседник.

– Ужасно... Мы планировали встретиться на той неделе – и вот как...

Они говорили еще минут пять, давая тем, кто по дол-

гу службы контролировал их разговоры, возможность отчитаться перед начальством. Вряд ли убийство Семенецкого привлечет особенное внимание – за этим несговорчивым коммерсантом мало кто стоял. Но козла отпущения искать станут... Вряд ли будет доказана причастность телохранителя.

В глубине души Рашид Гулямович был куда менее спокоен, чем его собеседник. Даже тень подозрения губительна за месяц до выборов. Он предпочел бы услышать еще одну грустную новость – о смерти ничем не примечательного парня из Подмосковья... Например, что тот попал под электричку, возвращаясь за полночь домой. Но, похоже, Владимир Павлович, человек порой излишне циничный и рискованный, всерьез верил в незаменимость своего исполнителя. Или в его неуязвимость, что едино.

Положив трубку, он включил селектор.

– Таня, рюмку коньяка.

– Вы же болеете, Рашид Гулямович.

Хайретдинов не ответил. Его сместила и чуть трогала забота этой молодой женщины, уже три года работавшей на него. Они ни разу не переспали – зачем мешать дела и отдых? Кто-то должен любить тебя бескорыстно и платонически, это такое редкое чувство...

Таня молча принесла коньяк – явно самую маленькую рюмочку, которую нашла. Рашид Гулямович повертел ее в руках, согревая напиток. Сделал глоток. Земля тебе пухом,

Эдуард Семенецкий. Видит Бог, не хотел он этого. И не облегчение сейчас испытывает, а липкую, непривычную тревогу... словно в первый раз пачка долларов сделала свое дело.

6

Все было не так. С самого утра. Анна понимала, что это расплата за вчерашний вечер, когда она постыдным образом напилась. Дома, в одиночестве, словно алкашка, прихватив в ларьке по дороге с работы бутылку дешевого болгарского бренди. Очень уж было тоскливо и муторно на душе. И спиртное помогло – на время. Как любой мало пьющий человек, она захмелела быстро, не заметив этого, и за пару минут перешла от трезвой тоски к тупой сонливости. Посидела чуть-чуть перед телевизором, решив было посмотреть какой-то сериал. Но картонные декорации и неумелые актеры вдруг стали такими смешными...

Теперь у нее болела голова. Анна с трудом разыскала на кухне упаковку аспирина, разжевала пару таблеток. Не американский, ну да ладно.

Надо взять на работе упаковку анальгина.

Она знала, откуда эта тоскливая боль в груди и стыд – невыносимый, когда не хочется смотреть людям в глаза. Три смерти за одну смену. Это уже не больница – это хоспис, приют для умирающих... которые должны были жить. Телевидение рекламирует десятки форм парацетамола, словно на-

звание «панадол» делает его эффективнее. Реклама средств от похмелья, реклама леденцов от кашля...

А в трехстах километрах от Москвы умирают люди – потому что нет мощных анальгетиков, современных антибиотиков, простейших кардиоблокаторов. Точнее – есть все. Но по ценам, доступным немногим.

Анна не знала, понимают ли они, отказываясь покупать лекарства, что обрекают себя на смерть. Скорее всего нет. Слишком живы в памяти времена, когда лечили бесплатно. Плохо ли, хорошо ли, но лечили. Честно говоря: «Попробуйте достать...», когда не было уж очень нужного препарата.

Но никогда не приходилось колоть анальгин вместо омнопона больным, кричащим от печеночных колик.

Она оделась в маленькой прихожей, отряхнула щеткой светлый плащ, минуту придирчиво смотрелась в зеркало. Ничего. Не скажешь, что слопала вчера стакан коньяка. Просто усталая молодая женщина, одна из миллионов. Пожалуй, даже посимпатичнее многих.

И глупее, наверное. Четыре года работы врачом – и до сих пор не может привыкнуть к смерти. Пусть там – лучший мир, но почему так жесток этот...

Автобус был набит. Больницу построили на окраине, рядом со старым номерным заводом (вот ведь додумался кто-то!), и уже полгода ей приходилось ездить в компании рабочих. Когда-то смена начиналась раньше, и она почти не пересекалась с этим потоком. А теперь то ли график у них

сдвинули, то ли рабочий день сократили.

Как ни странно, к этому требовалось привыкнуть. Дороги не замечаешь лишь тогда, когда люди вокруг незнакомы и безличны, не общаются между собой. Если же их видишь каждый день, да еще по утрам, пока мысли не заполнены прошедшим днем, то слишком быстро начинаешь воспринимать попутчиков как личности. Пусть даже с ней не заговаривали (и чем она отпугивает случайных ловеласов?), поневоле вслушиваешься и всматриваешься. На матюки Анна внимания не обращала, в операционной от коллег такого наслушаешься, что любой пролетарий покраснеет.

Сегодня говорили о политике со всем подобающим словесным обрамлением. Анна почти сразу перестала воспринимать разговор. Надоело все это до безумия... Она стала смотреть на паренька, стоящего рядом в проходе. Молодой, симпатичный, похожий на передовика рабочего из советских фильмов. В разговоры он обычно не вступал. Вот и сейчас ехал молча, глядя сквозь людей куда-то в окно.

Интересно, могла бы она в такого влюбиться? А выйти за него замуж?

И что бы сказали знакомые о муже-пролетарии?

Анне стало смешно и неловко. Она вдруг показалась самой себе старой девой, перебирающей женихов «второй свежести». Дожила...

Мимо сторонящихся (удивительно вежливо сторонящихся) людей она стала пробираться к двери. Выскочила на оста-

новке в гордом одиночестве, оправила на ходу плащ. Здесь было ветрено и неудобно, перед этими унылыми бетонными корпусами, воткнутыми неведомыми планировщиками на полпути от микрорайонов к заводу. Зимними вечерами, когда темнело рано, она старалась не ходить к остановке в одиночку.

Сегодня ночью по отделению дежурила Тоня, девчонка совершенно безалаберная, но врач от Бога. Из тех, кто все делает спустя рукава, а больной поправляется час от часа. Анне всегда казалось несправедливым, что человек, ставший врачом случайно и не испытывающий к профессии ни малейшего уважения, способен на то, чему она и к пенсии не научится. Но что здесь поделаешь...

Дверь ординаторской была заперта изнутри, Тоня, конечно, и не собиралась утром обходить больных. Анна минуты две простояла, постукивая по закрашенному белой краской стеклу костяшками пальцев, прежде чем внутри завопили.

– Ой, извини, – сонно пробормотала Тоня, открывая. – Ты чего так рано, еще без четверти восемь...

– Не спалось, – сказала, входя, Анна. Тоня была в одном белом халатике на голое тело, растрепанная и жизнерадостная. Нюх у нее был совершенно гениальный. Придется ли ночью бежать к умирающему больному, она знала с самого вечера. – Обход не делала?

– Делала, – улыбнулась Тоня, отходя к гардеробу и сбрасывая халат.

– Да, с вечера. А записала на утро.

– Корнилова, не разыгрывай из себя начальство... – Тоня втиснулась в джинсы, иронически глянула на нее. – Все в порядке, никто не ушел.

– А никто не собирается?

– Шедченко, – не задумываясь, ответила Тоня. – Его на гемодиализ надо сажать, сама знаешь.

Анна промолчала. Тоня тем временем закончила переодеваться и замерла перед зеркалом.

– Кто еще потяжелел? – спросила Анна.

– А, по мелочи... – вывинчивая помаду, отмахнулась Тоня. – Новости смотрела вчера?

– Нет.

– В Думе приняли закон об усилении финансирования... – Тоня плотно сжала губы, поморщилась, глядя, как легла помада. – ...больниц. Так что готовься лечить по учебникам. Добился все-таки узбек своего.

– Хайретдинов? Да что в нем узбекского, кроме фамилии?

– Имя, – невозмутимо отпарировала Тоня. – И восточная экспансивность.

Анна секунду поколебалась, но все-таки ответила:

– Да нет в нем никакой экспансивности, восточной тем более. Это на Кавказе экспансивность в крови. А он так, на публику играет. Ты чай попьешь?

– Все равно молодец... Спасибо, до дома потерплю.

Она натянула курточку, закинула сумку на плечо. Глянула

на Анну – уверенная, подтянутая, симпатичная.

– Удачно отдежурить. За Шедченко приглядывай, остальные потерпят. Хватит с нас вчерашней троицы, и так пропесочат в понедельник.

– Пока, Тонь.

Анна осталась одна. Стопка историй болезней на столе, тихо закипающий чайник. Надо все-таки сделать обход. Тоня умница, но мало ли что. Слишком беспокойно на душе. Холодно за окном, холодно в сердце.

Осень...

7

По сценарию, шестая мотопехотная армия «синих» атаковала Киев с северо-восточного направления. Это и впрямь было наиболее реально, повторяя опыт Второй мировой войны, когда советские войска освобождали Украину.

Полковник Николай Шедченко стоял над картой. Мысли были где-то далеко, упорно не желая возвращаться к предстоящим учениям. Захват Севастополя, оборона Крыма от российского флота, танковые атаки Винницы и Львова... Бред. Если уж, не дай Бог, дойдет до войны между Россией и Украиной, то все сценарии полетят к чертям. Вспыхнут волнения в Донецке, расколется армия, и не поспешит прийти на помощь американский корпус, участвующий в учениях...

Неправда, что война – продолжение политики. Она ее

придасток, жалкий и беспомощный. Не собираются, конечно же, Россия и Украина воевать. А вот провести учения, показать друг другу, что они готовы...

Шедченко отошел к окну. Бог с ними, с учениями. «Зеленые» победят, как положено. «Синие» с позором откатятся к Москве. Штатовский военный атташе добродушно похлопает по плечу начальника штаба. Президент лениво подпишет пару указов, раздавая медали и звания героям учений.

Он в этот момент будет на территории «вероятного противника». В маленьком городке Сасове, рядом с плачущей сестрой и непутевым племянником. Он давно не видел Сашку, лет пять, пожалуй. Тот успел превратиться из ершистого паренька в хамовитого юношу, такое впечатление, во всяком случае, сложилось у него из писем сестры. Теперь, правда, это уже не важно – Сашка доигрался-таки со своим мотоциклом. Не просто побился – обгорел, и непонятно уже, удастся ли ему выкарабкаться...

Шедченко никогда не был особо близок со старшей сестрой и тем более с ее единственным припоздалым отпрыском. Пожалуй, многих друзей собственного сына он знал лучше, чем родного племянника, да и считал куда более достойными представителями молодежи. Но вот случилась беда, и что-то защемило в груди, тоскливо и горько.

Словно он виноват в безалаберной жизни сестры, в ее вечных проблемах с мужиками, ссорах с сыном, нищете больницы, где пытаются спасти Сашку...

Что он вообще может в этом мире? Чем способен помочь? Деньгами... не такими уж и большими... каменной физиономией повидавшего смерть вояки?

Но ехать надо. Хорошо хоть, что ему так легко дали отпущ. Многие желают снять сливки с предстоящих учений, и дурак, уезжающий в такой момент, вызывает лишь всеобщее одобрение. Это потом кто-нибудь постарается найти в его поступке политический подтекст... нежелание участвовать в учениях против «условно российского» противника. А пока все сочувствуют глубоко безразличному для них Сашке и делятся историями о чудесных выздоровлениях обгоревших и переломанных.

Плевать. Он не видел сестру пять лет и рискует никогда больше не увидеть племянника. Жена не сказала ни слова, когда он взял деньги, отложенные на новый гарнитур, спасибо ей за это. Вечером он будет в Рязани, к ночи – в Сасове... Может быть, поедет к сестре, может быть – сразу в больницу.

– Коля...

Он обернулся. Диденко, его зам по боевой, стоял в дверях.

– Машина ждет.

Шедченко подхватил туго набитую сумку. Гражданская одежда – смешно было бы разгуливать по России в форме чужой армии, гостинцы, включая воспетое анекдотами сало.

– Спасибо, – пожал он Диденко руку. – Давай не подведи.

Подполковник ухитрился одновременно выразить лицом море эмоций – и что все будет в порядке, и что без компол-

ка они обречены на позорное поражение, и что он безмерно сочувствует чужому горю.

– Разве ж мы не люди... – пробормотал он.

Шедченко кивнул, спускаясь по лестнице. Часовой у знамени проводил его стеклянным взглядом.

Мы – не люди. Мы – военные. Добровольные рабы. Мы должны быть лишены амбиций и чувств. Нас кормят официальными речами и повседневными насмешками. «Одна извилина – и та от фуражки... Зачем мне теперь мозги, раз я полковника получил...» Об этом ли он думал, поступая в Ташкентское общевойсковое училище?

Скорее бы увидеть сестру. Прервать томительное беспокойство... лучше самый трагичный исход, чем это... ожидание.

8

Каждый раз, избавляясь от оружия, Илья чувствовал себя предателем.

Да, он понимал, что поработавший ствол – единственная, по сути, ниточка, по которой его могут найти. Но превращать оружие, безотказное, надежное, пристрелянное, в горстку ржавеющих в земле деталей – это давалось ему куда с большим усилием, чем нажатие на курок.

Постепенно он смирился. Понял, что в этом есть своя высшая справедливость – оружие должно уходить вслед за кли-

ентом. Как бы там ни было, а жизнь человека дороже четырехсот граммов стали. Ему было даровано забирать чужие жизни, не оставляя взамен своей. Что ж, значит, расплату понесет пистолет.

Но по крайней мере оружие заслужило прощание.

Илья разобрал и аккуратно вычистил «ПМ». Собрал, щелкнул обойму. Положил на стол, одиноко стоявший посреди комнаты. Замер, склонившись над пистолетом, фиксируя его в памяти, заслоняя этой картинкой – холодный металл на чистом столе – ту, недавнюю, где растянувшийся на полу клиент провожал его угасающим взглядом.

Его квартира производила странное, слегка безумное впечатление.

Бронированная дверь в грязном подъезде бетонной многоэтажки казалась достаточно солидной, чтобы скрывать апартаменты, достойные клиентов Карамазова. Однако за ней была лишь грязноватая квартира с разрушенной стеной между двумя комнатами, со стенами, оклеенными рыжими газетами советских времен, узкой тахтой у стены, письменным столом и книжным шкафом посреди нелепо пустого пространства. «Соневские» видеодвойка и музыкальный центр на полу казались материализованной галлюцинацией. Не знавший циклевки паркет был завален картонными папками с выбивающимися из них машинописными страницами. Работа редактором в хиленьком частном издательстве давала Илье и прекрасное прикрытие, и избыток свободного

времени.

Все остальное Илья получал иным путем.

Он стоял над пистолетом минут пять. Потом прошел к окну, выходящему на огромный безлюдный двор, аккуратно задернул шторы. Минуту возился в темноте, извлекая из-под картонных папок с творениями наивных писак знакомую на ощупь папку с несколько иным содержанием. Уселся на тахту и включил тусклое бра.

За эти секунды он изменился. Снятые брюки разительно меняют мужчину.

Если бы перед Ильей стал выбор, какую из тайных сторон его жизни предать гласности, он выбрал бы ту, с пистолетом в руках. Но только не это... не фотографии, наклеенные на картонки, сложенные стопкой в папке с ботиночными шнурками.

Фотографии, которые он разглядывал, были черно-белые, на тонкой пожелтевшей бумаге, того скверного качества, которое дают только совковая порнография и офсетная печать в газетах. На фотографиях были девочки – много девочек в возрасте от пяти до двенадцати лет, не стесненных никакой одеждой. Осыпавшиеся бумажные волокна делали фотографии мутными, похожими на непристойный ребус, но Илью это не пугало. Он всегда отличался хорошим воображением.

Сейчас Илья уже не видел раскрытой папки. Глаза его смотрели сквозь бумагу – в то темное далеко, заглянуть куда рискуют немногие, а помнят о своих наблюдениях единицы.

Капелька пота застыла на лбу, поблескивая под спутанными волосами, как крошечный третий глаз.

Там, в темном далеке, была такая же зашторенная комната, только на расправленной кровати Илья был не один. Девочка сидела рядом – маленькая девочка в коричневой школьной форме, забытой всеми много лет назад. Илья – там, за незримой гранью, раздевал ее. Медленно и красиво, стягивая кружевной фартучек, юбку, колготки...

Он шумно выдохнул, неподвижный, как статуя, лишь пальцы не прекращали заученной в детстве игры. Рука с зажатой папкой начала мелко подрагивать...

Там, в темноте, он стянул с девочки майку и положил ладони на узкие бедра. Сейчас...

«Дурак! – сказала девочка в темноте. – Не трогай!»

Илья издал то ли стон, то ли вздох, заваливаясь на кровать, чувствуя, как ослабевают руки. Папка с фотографиями стала смешной и противной. Он отшвырнул ее на пол и полежал минуту, прикрывая ладонями пах и чувствуя, как спадает возбуждение.

– Хо-ро-ша-я, – по слогам произнес он, цепляясь за уходящие фантазии.

Но из темноты, куда он так хорошо научился заглядывать, никто не ответил. Илья потянулся, пошарил по заляпанной стене, выключил бра. Через несколько секунд он спал.

Кроме мастурбации, у Ильи Карамазова были и другие увлечения. Он любил играть в преферанс, смотреть по теле-

визору «Утреннюю звезду» и находить клиентов. С заказчицами у него проблем не было – те находили Илью сами.

Если бы у наемных убийц имелась табель о рангах, то Карамазов занимал бы первое место уже много лет. Причина была банальной – Илья не просто исполнял заказ, он сам организовывал всю процедуру. Ему лишь называли имя – не требовался даже адрес. Клиент мог скрываться, мог покинуть город или страну – Илью это, казалось, нисколько не волновало. А человек, способный найти кого угодно, требовался всем. Несколько раз к нему даже обращались молодые люди, чья короткая стрижка и безукоризненная вежливость наводили на смутные предположения. Но Илья никогда не занимался догадками. Даже когда искал клиента.

Именно поэтому он был до сих пор жив.

...Илья спал. Скользил по граням сна, то погружаясь в разноцветный туман видений, где было все, кроме маленьких девочек и выстрелов, то выныривая в беспамятство. Но, странное дело, он понимал, что спит. И ждал, ждал чего-то, приближающегося, как после получения заказа.

Но ведь он никого не должен убить? Не так ли?

Во сне Илья летел по темным коридорам, бестелесный, что было невыносимо обидно. Он гордился своим тренированным, сильным телом, на которое так безуспешно заглядывалось бабье, гордился хорошей реакцией, отличным глазомером...

Сейчас его тащило, как щепку в водосточной канаве, и вы-

браться он был не в силах. Оставалось покориться. Оставалось ждать.

– *Смотри*, – шепнула темнота.

Карамазов застонал во сне. О, это был очень знакомый сон. Еще с тех времен, когда он искал клиентов не для последнего расчета, с тех времен, когда его оружием было лишь собственное тело, а заказчиками – мелкие «деловые», которых он ныне побрезговал бы убивать.

Так было перед каждой акцией – но ведь сейчас он ни на кого не работает. Не правда ли?

– *Ты мой*, – шепнула Тьма. – *Пора платить*.

Впереди разгорался свет... нет, не свет – просто темнота изменила яркость. Так может светиться ночь.

– *Шестеро...*

Он увидел лица – так ярко, как не случалось даже при самых удачных заказах. Предельно четкие, словно выплавленные из темноты, только почему-то двоящиеся.

– *Ты поймешь*, – сказала Тьма. – *Они опасны по-своему. Они не уступают тебе*.

Илья попытался зажмуриться – но не было ни век, ни глаз. Темнота несла его по кругу, заставляя заглянуть в каждое лицо.

– *Заказ*, – шепнула Тьма, и в бесплотном голосе дрогнула ирония. – *Пора платить по счетам*.

Он не мог ответить, не мог закричать, но в этом и не было нужды. Темнота пропитывала Илью насквозь, она знала все,

что он хотел сказать.

– Ты мой. Убей их.

...Илья проснулся с криком. Кошмар еще не отпустил, и лампочка бра, как в страшных снах, зажглась тускло и беспомощно.

– Я ни на кого не работаю, – прошептал он, озираясь.

Заказ выполнен. Деньги получены. Он не собирается подчиняться собственному бреду. Можно отдыхать, пока не наскучат видеокассеты, купленные на черном рынке, и папка со старыми фотографиями. Пока ему не предложат обслужить еще кого-либо...

И Тьма, которая всегда шептала – где и как, промолчит.

И киллер, разучившийся убивать, станет просто человеком, знающим слишком много. Клиентом... кого-то другого, к кому придет Тьма.

– Сука! – закричал Илья, тонко всхлипывая. – Стерва!

Но темнота уже спряталась за гранью сна. Она не слышала – или не считала нужным отвечать слуге.

Тихонько подвывая, Карамазов схватил со стола пистолет. Замер, борясь с желанием высадить всю обойму в окно, в ночь. Он не собирается подчиняться!

...Но патроны надо экономить, шесть клиентов, и по два выстрела... и почему-то еще раз умножить на два... патроны придется докупить...

– Гадина, гадина, – садясь на пол, прошептал Илья. – Ты притворялась, тебе тоже что-то надо, вам всем от меня что-

то надо...

Они все суки. Все. Только девочки хорошие. Только девочки... на фотографиях... хорошие... девочки...

Илья распластался на полу, потянулся к картонной папке. Схватил ее, всхлипывая уже тише.

Девочки... хорошие...

9

Среди шестерых, в этот день один за другим ощутивших приближающееся нечто, Кирилл Корсаков был самым растерянным – и, как ни странно, наиболее подготовленным к происходящему.

У него еще не было того предчувствия беды, что рано или поздно приходит к любому человеку. Кирилл просто не успел повзрослеть настолько, чтобы принять это странное знание – презрительно отрицаемое большинством, но бесспорное для тех, кому довелось бывать в серьезных переделках. Его не смущала нелогичность происходящего – дети не верят в логику. Он даже не понимал, что давящее ощущение может предвещать неприятность куда меньшую, чем кажется. Остаток дня Кирилл провел с напряжением бойца, пойманного на ночном поле боя прожекторным лучом и мучительно пытающегося притвориться мертвым. И этот осознанный страх прикрывал его от истерики непробиваемым щитом.

Мать не сказала ему ни слова, даже если и заметила, что в этот час занятия в школе еще должны были продолжаться. В глубине души она разделяла мнение Кирилла, что образование может мало что ему дать. Таких мыслей родители никогда не высказывают вслух – это входит в правила семейной игры. «Курить вредно», – сообщают они детям, закуривая. «Драться нехорошо», – ободряюще похлопывая по плечу. Дети все равно чувствуют истину. Лишь когда они начинают взрослеть, приходит стремление свести слова и правду воедино.

– Тебе звонили с телевидения, – сказала мать, пока Кирилл ел. Обед был ритуалом, изменения в котором не допускались. Людмила Корсакова всегда приходила обедать домой – и подразумевалось, что Кирилл будет поступать так же. Не только ради правильного питания, хотя она и придавала ему большое значение. Главным был короткий разговор, делившийся на две части – обязательную, но не имеющую никакого значения, когда Кирилл был в школе, и ту, которая, собственно, и составляла жизнь мальчика. Если бы он взял на себя смелость выразить собственные ощущения в словах, то сказал бы, что мама относится к нему как ювелир к огромному алмазу, медленно превращаемому в сияющий бриллиант.

– С какого? – торопливо глотая горячий суп, спросил Кирилл.

– С районного кабельного... возьми хлеб.

В мелочах Кирилл с матерью никогда не спорил.

– Они собираются делать еженедельную детскую программу. Попросили тебя прийти, вероятно, предложат быть ведущим.

Год назад Кирилл соскочил бы со стула и что-нибудь закричал.

– Здорово, – откладывая ложку, сказал он. – Я завтра схожу, ладно? У меня настроение такое... странное.

– Стишное, – подсказала мать.

Он кивнул.

– Я записала телефон, позвонишь и договоришься. На завтрашний вечер. Режиссера зовут Павел Валентинович, постарайся оставить хорошее впечатление.

Кирилл кивнул. Разумеется, завтра они пойдут на телевидение вдвоем. По телефону он поговорит сам – чтобы продемонстрировать свою самостоятельность, но окончательное решение примет мама.

Ювелиру виднее, как гранить алмаз.

– Ну все, мне пора. – Людмила Корсакова поднялась, секунду смотрела на сына, словно собираясь сказать что-то еще. Наклонилась, чмокнув его в макушку.

– Пока, мам.

– Вымой посуду, хорошо?

– Хорошо, мама.

Людмила вышла из кухни. Мальчик сидел неподвижно, слушая, как она одевается в прихожей. На его лице медленно

проступало напряжение, которое уже некому было увидеть.

– Кириллка!

– Да? – Он повернулся, снова расслабляясь снаружи, словно мать могла увидеть его сквозь стену.

– Ты не дашь мне свои новые стихи?

Кирилл молчал.

– Мне надо показать их серьезным людям.

– Как-нибудь потом, мама. Ты что-нибудь старое им дай, ладно?

Она подчеркнуто громко вздохнула.

– Ты не лентяйничаешь, Кириллка?

– Не знаю.

Людмила Корсакова тихонько засмеялась.

– Все-таки поищи, Кирилл.

Хлопнула дверь.

Мальчик, сидящий за столом, медленно взял ложку, посидел минуту, не двигаясь. Потом поднялся. Недоеденный суп отправился обратно в кастрюлю, тарелка и ложка – в раковину. Кирилл налил в бокал уже остывшего чая и отнес в свою комнату. Потом вышел в прихожую и закрыл дверь на второй замок.

Он снова остался один – мальчик, боящийся взрослеть. Одному – легче.

Кирилл был в центре внимания всегда, сколько себя помнил. Просто потому, что он умел писать стихи в том возрасте, когда другие дети еще не способны запомнить чу-

жие. Трехлетний поэт... пятилетний поэт... восьмилетний поэт...

Он привык.

У него не было друзей среди ровесников – та неизбежная цена, которую платят за любой талант. Кириллу стало бы легче, знай он, что эта плата не зависит от возраста, а прилагается ко всем, вставшим над толпой. Но он отнес ее лишь к себе – ошибка любого ребенка, считающего все происходящее с ним уникальным. Он искал друзей среди взрослых и находил тех, кто старательно пытался относиться к нему на равных. Потом он смирился.

Одному – легче.

Кирилл плюхнулся на кровать, даже не потрудившись позвонить на телестудию. Его слегка знобило, и он не мог понять причину – то ли вернувшийся страх, то ли разговор с матерью. Телевидение? Да, он мог вести детскую программу, читая сочиненный взрослыми текст, а изредка – свои стихи. Это была награда, честно заработанная, горькая и ненужная. Кирилл понял все еще год назад. Он ничем не лучше других. Просто умел в пять лет то, чему другие учатся в двадцать. Если отбросить возраст, то Кирилл был одним из многих поэтов, известных лишь десятку друзей и собирающихся на свои «литературные вечера» в районных газетках и домах культуры. Тринадцать лет делали его уникальным... но уже куда меньше, чем раньше.

Детство – преходящий недостаток.

Кириллу было интересно, что скажет мама, когда поймет это. Вряд ли отнесется спокойно. Ювелир, узнающий, что старательно гранил под бриллиант кусок стекла, не сможет примириться с этим.

В комнате стемнело, и утренняя тоска стала возвращаться. Ее можно было прогнать... ярким светом, громкой музыкой, но Кирилл не шевелился. Что-то приближалось. Накатывало. Тоскливое, неудержимое, близкое тьме – тень от тени, страх от страха. Он стиснул зубы. Так, наверное, умирают... или рождаются.

И вдруг его отпустило. Разом.

Мир снова стал прежним, тоскливым, но спокойным. Кирилл с шумом втянул воздух, почувствовав, что произвольно задержал дыхание, может быть, минуту, может быть, две назад. Он вспотел и ослаб.

что это было?

Кирилл привстал, потянулся к выключателю. Замер.

В двух метрах от него за письменным столом (большим, солидным, взрослым) кто-то сидел.

– Ну? – сказал кто-то. – Включай свет.

Как загипнотизированный, Кирилл щелкнул клавишей. Свет больше не был другом и защитником, убийцей ночных страхов. Свет предал его, показав то, что явилось во тьме.

За столом сидел мальчишка. Подросток, тощий и голый, улыбающийся, глядящий на Кирилла так, словно видел его и в темноте.

– Сделай удивленные глаза, – сказал мальчишка. – И успокойся. У нас еще есть время, но его так мало, что лучше поторопиться.

Кирилл слишком часто видел самого себя не в мертвой статичности фотографии, а по тому же телевизору, чтобы ошибиться.

– Это я, – сказал он.

Мальчишка кивнул.

– Ты.

Он встал – спокойно, не стесняясь наготы. Посмотрел на Кирилла – задумчиво, оценивающе.

– Зови меня Визитер.

10

Говорили, что на этой даче несколько раз останавливался Сталин. Хайретдинов никогда не опровергал устоявшегося мнения, хоть и выяснил в свое время, что вождей крупнее Микояна старые стены не знали.

Недалеко от Москвы, почти чистый воздух, вышколенная прислуга и удобная для охраны планировка – что еще надо человеку, занимающемуся большим бизнесом и большой политикой?

Весь вечер Рашид Гулямович был не в духе. Прогулялся под мелким дождиком в саду – если можно так называть солидный кусок леса, обнесенный крепким забором. Против

обыкновения, не отгонял охрану. Прилетевшего из Саратова с отчетом директора газоперерабатывающего комплекса принял непривычно сухо, чем поверг его в легкую панику.

А виноват, конечно, был Семенецкий. Еще один грех, и, наверное, можно было без него обойтись. Месяц-другой давления – сдался бы сам. Но это дурацкое пристрастие к быстрым решениям, что с ним поделаешь...

Он решил никуда сегодня не выезжать. Позвонил в Саратов жене, поговорил с ней так ласково, что наверняка укрепил в мысли об очередной измене. Даже пообещал месяца через два забрать ее и детей в Москву. Политик не должен отвлекаться, и семью, которая обязана быть, следует держать в отдалении. Но сегодня ему хотелось – странное дело! – семьи. Уюта.

Сдают нервы.

Он просчитал свой жизненный путь года три назад, когда понял, что только деньги уже не доставляют ему удовольствия. Тайная подлинная власть – это хорошо. Но и в бизнесе уже встали барьеры, выше которых не прыгнешь. А чтобы кроить мир по своему вкусу, надо совмещать тайную власть с властью государственной, нажимать на рычаги не из-за спины очередного тупоумного политика.

Хайретдинов трезво оценивал все преграды на пути его амбиций. Начиная с фамилии и национальности – много ли русских захотят иметь президентом чужака? Но это лишь наполняло его азартом. Он станет более русским, чем любой

славянин. В конце концов, есть пример Сталина – какие бы ошибки тот ни допускал, он до сих пор оставался для многих кумиром.

А он не повторит ошибок «отца народов». Он действительно сделает Россию великой и могучей страной. С большим удовольствием Хайретдинов взялся бы творить империю из другого государства, но, увы, материал не выбирают. Что ж, через два года он будет спикером. Через четыре – президентом. И его полюбят. Не смогут не полюбить.

Рашид Гулямович прошел в кабинет. Уселся перед разожженным камином, налил рюмку коньяка, но так и не приоткрыл к ней. Сидел, глядя в огонь, слушая мерное тиканье старых часов.

Все будет хорошо. Все идет правильно. Жертвы неизбежны, но лучше уж десяток-другой, чем миллионы. Цель оправдывает средства, что бы там ни говорили.

Наверное, он смог успокоить себя. Тоска исчезла, отпустила. Хайретдинов даже вздохнул нарочито шумно и потянулся за рюмкой... Замер.

Он больше был не один.

У окна спиной к нему стоял человек. Невысокий, плотный, черноволосый, кривоногий голый мужчина.

Рашид Гулямович издал слабый, пискливый звук.

Мужчина повернулся. Знакомое лицо... Господи, кто же это?

– Я думаю, ты все понимаешь и не будешь на меня в оби-

де, – сказал мужчина.

Он прошел к столу, открыл верхний ящик. Неторопливо извлек пистолет – «беретту», красивую и дорогую игрушку. Передернул затвор.

– Кто ты? – прошептал Хайретдинов. Он уже понимал... кажется.

Мужчина улыбнулся – его улыбкой, дорогой, купленной у специалистов по физиопластике, отрететированной, вызывающей доверие и симпатию.

– Визирь.

Хайретдинов не удивился. Ни своему детскому, давно забытому прозвищу, неожиданно произнесенному его голосом и его губами. Ни тому, что не было страха и обиды.

– Я пригожусь, – прошептал он, сам не веря в свои слова.

– Нет, – сказал Визирь.

Кабинет был большим, и грохот выстрела утонул в деревянных стенах. Дом знал немало тайн и не испугался звука.

Тот, кто назвал себя Визирем, подошел к креслу. Секунду смотрел в лицо, по которому сочилась тонкая струйка крови. Сквозь волосы на лбу, опаленные близким выстрелом, темнела аккуратная маленькая дырочка.

Визирь перевел взгляд на рюмку. Взял ее, вдохнул аромат коньяка, перебивая пороховую гарь и запах жженных волос. Сделал глоток. Потом, морщась, стянул с вялого, словно живого еще тела халат. Накинул на плечи, подпоясался.

Чтобы снять штору с окна, ему пришлось забраться на

стол. Завернув тело, Визирь прошел к двери.

Старший охраны был в соседней комнате. Сам услышал, или кто-то его позвал?

– Зайди, – коротко приказал Визирь.

Крепкий черноволосый парень секунду смотрел ему в глаза, словно делая выбор. Что-то его смущало. Наконец он принял решение.

– Рашид Гулямович, вы стреляли?

– Да. Зайди, Фархад.

Охранник бросил лишь быстрый взгляд на завернутое тело. Лицо его не изменилось. Он вопросительно посмотрел на Визиря.

– Ваша вина, – сухо сказал тот. – Куда вы глядели? Мне пришлось убить его.

– Кто он?

– Это не должно тебя волновать.

Охранник пожал плечами. Похоже, ему не требовалось много времени на то, чтобы взвесить все плюсы и минусы.

– Очень серьезная неприятность.

– И очень хорошая благодарность. Кому ты доверяешь из своих?

Фархад покачал головой.

– Никому нельзя доверять. Его будут искать здесь?

– Нет. – Визирь ответил так холодно и уверенно, что охранник согласно кивнул.

– Я выйду в сад. Вы сможете подать... это... в окно?

– Да.

Охранник, не отводя взгляда от того, кого принимал за хозяина, шагнул обратно к двери.

– Мне не нужен никакой шум, Фархад. Я не собираюсь списывать этот труп на тебя.

Пока охранник обходил дом, Визирь оделся. Открыл тяжелую раму, перекинул тело через широкий подоконник. Фархад молча принял груз из темноты.

– У тебя будет большое желание заглянуть в лицо, – сказал Визирь. – Не ошибись. Я сразу пойму, что ты это сделал.

– Тут слишком темно, чтобы смотреть в лица, – ответил Фархад. – Не беспокойтесь, Рашид Гулямович.

Он вернулся минут через пятнадцать. Раскисшую землю копать было нетяжело.

– Утром я проверю это место, – сказал Фархад, глядя в затылок хозяина. Он сидел у камина, в том самом кресле. – Все будет хорошо.

– Кто еще слышал выстрел? – не оборачиваясь, отозвался Визирь.

– Никто.

– Спасибо, Фархад.

Запах горелого пороха был уже не слышен. Фархад секунду помедлил.

– Я протру пол, Рашид Гулямович.

– Напомни мне завтра, сколько я тебе должен, – ответил Визирь, вставая.

Искушение предложить Фархаду еще более выгодную работенку было велико. Но Визирь промолчал. Этот парень не убийца. Просто верный сторожевой пес.

Убийца взглянул бы в лицо мертвеца – и разделил его судьбу.

11

Где-то далеко, за несколько кварталов, прошумела машина. Ярослав приоткрыл глаза, словно надеясь поймать на потолке блик света. В детстве он провожал так каждую ночную машину – окна его комнаты выходили прямо на оживленную трассу. Какая таинственность была в этом отсвете чужой жизни – людях, не спящих ночами, людях, имеющих машины.

Теперь он не мечтал об автомобиле. Это осталось в детстве вместе с желанием иметь собаку и твердой уверенностью, что мороженое вкуснее котлет. А вот ночь... ночь и шорох чужих судеб остались с ним навсегда.

Вот только лучи фар больше не заглядывают в его окна. Тихий район, мечта пенсионера.

Порой он и себе казался пенсионером, тридцатилетним волонтером войны с иллюзиями. Редко выбирающийся из дома, живущий где-то на грани двух миров – реального и скрытого за дисплеем компьютера. Кем, интересно, считают его соседи – мать-одиночка со второго этажа, бабульки с

четвертого? Главой районной мафии, просто обеспеченным бездельником... «Нигде не работает, а деньги не считает», – читалось в их взглядах.

В общем-то на это Ярославу было плевать. Писателю вообще не нужно любить людей – достаточно любить своих героев. Они обладают теми же достоинствами и пороками, что и люди, но дороги, как собственные дети.

Тишина давила. Как он привыкал к этой тишине первые месяцы после развода, как сражался с ней – музыкой, включенным телевизором, побеждая лишь несчастных соседей. А тишина пряталась под гитарными аккордами и тархтением телеобозревателей, терпеливо ждала, пока он смирится. Тишина – одеяние смерти, и ее не победить.

Заснуть не удавалось, но это не беда. Можно сесть за компьютер и продолжить писать... услышать наконец то, что Убивающий Словом сказал сфинге. Можно запустить «Визиты во тьму» и войти в лес, которого он еще ни разу не прошел. Вдруг сейчас повезет? Или скользнуть в компьютерную сеть, выбрать одну из эхо-конференций, где обсуждается все на свете, от оружия и секса до кулинарных рецептов и книг. Влезть в чужой спор, подкинуть пару провокационных идей, чтобы завтра с улыбкой пронаблюдать реакцию. А еще можно через интернетовские серверы выплыть где-нибудь в Париже и посмотреть прогноз погоды с французских спутников – неизмеримо более точный, чем беспомощное гадание нищих казахстанских метеорологов... Неужели у них нет ком-

пьютера и модема?

Все можно. И все – в том, виртуальном пространстве. Лишь там он смел и почти всемогущ. В реальной жизни человек не способен изменить даже свою судьбу – не то что судьбы человечества. Он потому и любит компьютерный мир – тот дает иллюзию власти. Во всех своих проявлениях, от мощных текстовых редакторов до сетей, где нет расстояний, и игр, где сокрушаешь цивилизации и покоряешь галактики...

Слабо скрипнула дверь. Казалось, что почти рядом, на кухне... хороша звукоизоляция! Кому-то из соседей тоже не спится.

Свет коснулся глаз сквозь закрытые веки. Ярослав присел на кровати.

На кухне горел свет.

Это был даже не страх – нельзя бояться невозможного. Просто обморочный холод в груди. Веру в то, что твой дом – твоя крепость, ломает лишь милицейский обыск или ограбление.

Нынешние воры оголодали до того, что первым делом очищают холодильник?

Он потянулся к тумбочке, открыл ящик, мимолетно удивившись, что руки не дрожат. На кухне явственно скрипнула табуретка. Ярослава словно обдало холодной водой. Он нашарил под полиэтиленовым пакетом с документами «умарекс», вытянул из бумажного плена. Тяжесть пистолета, как

ни странно, не успокоила. Это лишь в его книгах герои, взяв оружие, становились уверенными и бесстрашными. Да и можно ли назвать оружием эту игрушку для трусливых мужчин?

– Из газовика в квартире стрелять глупо, – донеслось из кухни. Удивительно неприятный голос... словно знакомый, но нарочито искаженный. – Сам потравишься.

Ярослав встал. Им владело безумное желание одеться и лишь потом шагнуть через порог.

– Цивилизация придумала одежду, чтобы успешнее истреплять себя. Иллюзия защищенности, верно? Но мы драться не будем.

Кто бы там ни был, он словно читал его мысли. И в этом было какое-то призрачное утешение, начисто исключающее банальных грабителей.

Ярослав вышел в коридор, по-прежнему сжимая пистолет в руках.

На выдвинутом к двери кухни табурете сидел мужчина. Молодой, черноволосый, плотный, в наброшенном на голое тело халате. Очень знакомый. Иронически улыбающийся, разглядывающий Ярослава с покровительственным любопытством старшего брата.

– Только не стреляй, – сказал он без всякого страха. – Из этого дерьма даже в степи стрелять не стоит. Держи меня на прицеле и успокойся.

Ярослав быстро оглянулся. За спиной никого не было, и

входная дверь была закрыта.

– Как ты сюда попал?

Мужчина засмеялся.

– Знаешь, хотел бы и я это знать... Ярик, ты меня не узнаешь?

Он покачал головой.

– П-писатель! – Из уст пришельца это прозвучало как оскорбление. – Твоя память на лица достойна кроманьонца. Знаешь почему? Они видели в течение жизни лишь сотню-другую человек. Впрочем, ты все понимаешь. Просто не хочешь принять истину.

Мужчина встал, и Ярослав непроизвольно отступил на шаг, прижался спиной к двери.

– Я все-таки выстрелю, – быстро сказал он.

– Верю. – Пришелец остановился. – У тебя хватит агрессивности, ты бы и боевыми пальнул. В зеркало посмотри, а потом на меня.

Ярослав опустил пистолет. Его охватило тоскливое бессилие шарлатана, заболевшего теми болезнями, от которых он так успешно «исцелял» других.

– Кто ты?

– По сложившейся в эти мгновения традиции... – Человек, который казался его ожившим отражением, снова улыбнулся. – Мне бы следовало придумать имя с корнем «Виз». Визионист, например. Создатель образов. К счастью, это не обязательно. Зови меня Слава.

– Я не верю в тебя, – сказал Ярослав.

– Понятно. Но это уже ничего не меняет.

Он подошел к нему, мягко забрал из руки пистолет.

– Успокойся. Мне нужны одежда, чашка кофе и совет.

Мне нужна твоя помощь.

12

Сегодня днем Аркадий Львович впервые почувствовал боль. Он готовил обед, размешивая в кастрюльке содержимое яркого пластикового стаканчика. Такой суп полагалось готовить в микроволновке, но нехитрый эксперимент подтвердил относительность всех инструкций. Вполне приличный, почти домашний супчик...

Тонкая игла кольнула в спину, под правой лопаткой. Мгновенная, но предельно острая боль... Аркадий Львович тихо охнул, замирая. Боль исчезла.

Вот как это начинается. С короткой боли. С легкого недомогания. С кашля по утрам.

Он постоял, бездумно глядя, как кружатся в кипятке быстро набухающие овощи. Потом налил в стаканчик кипятка из чайника, выплеснул в кастрюлю. Положил стаканчик на подоконник, в башенку пустых упаковок из-под йогурта и таких же супов. Дочке пригодится – рассаду выращивать. Доживет ли он до этой рассады, интересно.

Есть уже не хотелось, но Аркадий Львович стоически до-

ждался, пока суп сварится, и налил полную тарелку. Нечего давать болезни поблажки. Организм должен бороться, ему нужны силы.

Почему это случилось именно с ним?

Обида уже давно стерлась, утратила яркость. К кому, в конце концов, претензии? В Бога он не верил, образ жизни всегда вел здоровый. Просто не повезло. И ведь жизнь уже проходит, в любом случае долго бы он не протянул. Ну, увидел бы третье тысячелетие... А что в нем будет нового?

Наверное, все дело в честолюбии. Каждому хочется оставить след в жизни – и не просто строчкой в энциклопедии, этого он уже добился. Человек – центр мира, так он ощущает себя, и лишь это заставляет жить. Понимая разумом, что после твоей смерти все останется таким же – лишь без тебя, сердцем это принять невозможно.

И пока срок твой не отмерен, вопреки разуму веришь – еще можно успеть. Стать центром мира, стать стержнем чужих судеб, совершить что-то невозможное.

Теперь – все.

Он закончит... наверное, свою последнюю книгу. И вполне возможно, что лет десять на нее будут ссылаться такие же, как он, – оторванные от реальности, погруженные в непонятные большинству проблемы. Потом – забвение. Хилая гордость внуков – «дед был академиком»... Впрочем, будет ли она, эта гордость? Не получил Нобелевской – значит неудачник.

Жизнь растрочена, пропущена сквозь дрожащие пальцы, разменяна на конъюнктурные статейки и мелкие неизбежные интриги. Он так и не подступился ни к одной из тех проблем, что цепляли его в молодости. Бог, смысл жизни, эсхатология – все чревато неприятностями. Не хотелось крикнуть душой, прятаться под маской холодной академической критики. Потом пришла свобода, и все это оказалось просто ненужным. Либо подводи базу под грянувшие экономические преобразования, либо вступай в плотные ряды полуграмотных шарлатанов, играй на публику.

Поздно...

Аркадий Львович не стал мыть посуду. Налил стакан чая, прошел в кабинет, пододвинул стопку желтоватой бумаги. Поморщился, глядя на неровный почерк. Надо писать аккуратнее, не создавать лишних проблем машинистке. Чем быстрее будет отпечатан текст, тем больше шансов, что монография выйдет... посмертно, ритуальным знаком уважения. «Работал до последнего часа», – так скажут на секции академии.

Неприятное слово – секция. Многозначное. Анатомическая секция – она ему тоже предстоит...

Он писал с короткими перерывами пять часов подряд. Гнал, словно убегая от той тоски, что окружила его с утра. Изредка вытягивал с полки затрепанные томики – когда память отказывалась выдать точную цитату из великих, из тех, кто успел.

Когда строчки стали сливаться перед глазами, он опомнился и зажег свет. Потер лицо холодными ладонями. Быстро стал уставать, быстро.

Аркадий Львович снова прошел на кухню, поставил греться чайник, пододвинул табуретку и протянул руки к огню. Все вокруг было стылым и тоскливым. Работа, против обыкновения, не улучшила настроения.

Он словно задремал, держа подрагивающие ладони у запотевших никелированных боков чайника. Встрепенулся, лишь когда стала посвистывать струйка пара.

Странно – тоска прошла. А он уже привык к ней...

Приглушенный кашель из коридора был таким привычным, домашним, что он даже не удивился. И шаркающие шаги...

– Андрей? Вера? – Он заговорил, уже понимая, что к ним эти звуки отношения не имеют.

Ответа не было.

Аркадий Львович медленно поднялся, вышел из кухни. Короткая мысль прихватить нож исчезла, едва родившись.

Много он навоюет...

В кабинете горел свет – он же выключил лампу? Или забыл?

Аркадий Львович медленно заглянул в открытую дверь. За его столом сидел спиной к нему голый старик. Листал только что написанные страницы, быстро, но вроде бы читая...

– Проходи, – не оборачиваясь, бросил он.

Страх не было абсолютно. Он вошел, и старик коротко, мимолетно обернулся. Перелистнул еще одну страницу, хихикнул. Сказал:

– Интересно. И впрямь интересно. Последний пинок великих?

– Почему же?

– Ну-ну... – Старик погрозил ему скрюченным пальцем. – Не лги! А бумажки эти – в сортир. Нам предстоит заняться апробативной этикой. Куда более полезная штука, знаешь ли.

– Оденься, – сказал Аркадий Львович. С легким недоумением – откуда взялось панибратское «ты». Впрочем, зачем лукавить? Знает он это, знает...

– Так и думал, что мы поладим, – сказал старик, поднимаясь. – Без истерик и ненужных доказательств. Хорошо быть старым и мудрым.

– Это так и происходит? – спросил Аркадий Львович.

– Нет, что ты. – Старик уже достал из шкафа его лучший костюм, теперь разглядывал плохо отглаженные рубашки. – Ты не умираешь, отнюдь. Наоборот, у нас есть шанс войти в историю.

13

День пролетел быстро. Сегодня Анна не оперировала, да и

не было почти операций – кроме банального острого аппендицита. Работал заведующий отделением с интерном Сашей, и, судя по всему, никаких осложнений не предвиделось.

Она все же сделала обход. Палаты были полупустыми – странно, но люди словно понимали, что болеть в наши дни не стоит. Четверо холециститников, не нуждавшихся в оперативной терапии, двое выздоравливающих после аппендэктомии, азартно режущиеся в карты.

Плохо было лишь с Шедченко. Слишком большие ожоги получил парень. Утренние анализы еще не пришли, но Анна и без них видела – интоксикация нарастает.

– Как самочувствие, Саша? – Она присела на соседнюю кровать. Палата была пуста. Парень скосил на нее глаза, потом посмотрел на себя.

– Уродом теперь буду, да?

Анна покачала головой. Совершенно искренне.

– Не бойся. Следы останутся, но не сильные. Главное – лицо не задело.

Парень пожал плечами.

– Весь живот будет в рубцах...

Рубцы... Господи, да не того бояться ему надо...

– Как настроение, Саша?

Парень был младше ее года на два, но сейчас судьба четко распределила роли. Анна казалась себе не то матерью, не то старшей сестрой этого крепкого юноши.

– Голова болит...

– Сильно?

Парень кивнул.

– Мочился?

– Да, утром.

– Ну и хорошо. Сейчас давление померяем.

Саша тихо засмеялся.

– Что ты?

– Смешные вы... врачи. У меня ведь ожог, а не сердце болит. Или вам положено давление мерить?

– Положено. – Анна не стала вдаваться в объяснения.

Давление было пониженным, конечно же. Семьдесят на сто, как и написала Тоня в истории болезни... Вот нюх у девочек...

– Нормально, – скручивая фонендоскоп, сказала Анна. – Я скажу сестре, тебе прокапают гемодез.

– Зачем?

– Чтобы голова не болела. И не крутись, хорошо? Шрамы на животе нам не нужны, верно?

В ординаторской она быстро заполнила лист назначений. Выглянула в коридор – Альфия, хорошенькая татарочка-медсестра, уже третий год поступавшая в мединститут, увлеченно терзала карманный «Тетрис».

– Аля, зайди...

– Саше что-нибудь?

– Гемодез, четыреста кубиков. Я выписала.

Альфия кивнула, неохотно пряча пластиковую коробочку

в карман. Анна постояла, глядя ей вслед. Сегодня им дежурить вместе. Аля старательна и не слабонервна. Хорошо.

Почему Тоня так уверена, что у парня сдадут почки? Не такие уж страшные ожоги, вторая-третья «а» степень. Поражено чуть больше десяти процентов кожи.

Да вытянет она его, на гемодезе одним вытянет!

Она не стала забегать домой, как порой делала перед дежурствами. Перекусила в буфете, заглянула в приемный покой – узнать, кто, кроме нее, дежурит по больнице.

По приемному дежурил Рудольф, нестарый еще мужик, пульмонолог. Жалко, что не хирург, но он был из Казахстана, этакий странный немецкий иммигрант, выбравший Россию, а не Германию. Наверняка все научился делать в своих степях. Анна поболтала с ним, пытаюсь вспомнить, видела ли по телевизору Алма-Ату. Что-то восточное... или нет, у них же после землетрясения все перестроили...

Или это Ташкент был?

А, какая разница...

Рудольф предложил ей сигарету – она не стала отказываться. Иногда хотелось покурить.

– Весь день какая-то тревога, – пожаловалась она.

Рудольф пожал плечами.

– Выпей тазепама. Нервы беречь надо, их не отрежешь.

Он был большой любитель таблеток – в общем-то редкость среди врачей.

– Лучше спирта, – пошутила Анна.

Рудольф с готовностью предложил:

– Налить?

– Да брось ты... – Анна затушила полускуренную сигарету. – Ладно, пойду.

– Если что, зови. Я ночью спать не люблю, – мимоходом заметил Рудольф. Слегка двусмысленно, но очень дружелюбно.

– Я подумаю. – Анна вышла улыбаясь. Рудольф ухитрился любую фразу сделать приятной – даже когда иронизировал над хирургами или слегка пошлил.

...Она проснулась резко, словно ее тряхнули за плечо. Секунду вслушивалась.

В отделении было тихо.

Что же ее разбудило?

Никакого предчувствия у нее не было. Не привыкла она им доверять.

Да и ее дневная тревога прошла бесследно. Наоборот, на душе было легко... так легко. Словно праздник какой-то.

Она спустила ноги на холодный линолеум, нашарила юбку. Свитерка она на ночь не снимала.

Спать не хотелось абсолютно. Казалось странным тратить такое настроение, как сейчас, на сон. Звенящая тишина. Слабый лунный свет в окне – тучи прошли, небо было ясным. Может быть, осень решила исправиться, стать мягкой, золотой, превратиться из умирающего лета в рождающуюся зиму?

Даже чахленький больничный сад обрел какую-то трогательную красоту в призрачном синеватом свете. Лента шоссе, за которым начинались заброшенные поля, казалась барьером между двумя совсем разными мирами.

В такие ночи люди не могут умирать...

Ей показалось, что она может просидеть так до утра, глядя в ночь, ни о чем не думая, просто дыша тишиной.

Но встать придется.

Анна всунула ноги в разношенные старые туфли, давно перекочевавшие жить в больницу. Покосилась на белеющий в углу умывальник. Мужчинам на дежурстве проще. Она была уверена, что все, от солидного, плотного Константина Павловича до застенчивого очкарика Саши, пользуются им не только по прямому назначению.

Картинка представилась такая, что она еле сдержала смех. Однажды рано утром она застала Сашу, старательно дрящего раковину стиральным порошком. Невинность занятия не помешала ему покраснеть как рак. Константин Павлович вряд ли столь щепетилен...

Не надевая халата, Анна вышла в коридор. Альфия, конечно, спала сейчас в процедурной, укрывшись стянутым с какой-нибудь пустой койки одеялом.

Иногда человек не должен спать ночами. Чтобы увидеть такой вот лунный свет в окне и услышать тишину...

Анна вдруг рассмеялась. Господи, ну что за странная штука – человек! Думать о красоте ночи, проснувшись, чтобы

помочиться.

Подходя к двери служебного туалета, она вдруг почувствовала смущение. Легкое и очень знакомое. Обычное, когда она вот так вставала ночью. Привет из детства...

Анна юркнула в дверь. Мимоходом взглянула в маленькое облупившееся зеркало, словно убеждаясь, что одета. Дурацкая вещь – память. Очарование ночи куда-то исчезло.

Но спать все равно уже не хотелось.

Она вымыла руки (уж эту раковину вряд ли кто-то использует для иных целей), сдернула крючок с двери. Прислушалась – кажется, какой-то шум?

Аля проснулась?

Анна вышла в коридор. Никого.

Ладно, надо глянуть по палатам.

Она быстро прошла по коридору, приоткрывая на мгновение двери. Тихо, все спят. Теперь еще в седьмую, где Шедченко. Тяжелых всегда помещали в эту палату, словно счастливый номер чем-то помогал врачам.

Тут свет тоже не горел. Но у постели белела фигура в халате.

– Аля, ему плохо? – тихо спросила Анна, подходя.

Девушка обернулась.

Это была не Альфия.

Анна вздрогнула, останавливаясь. Ей приходилось заставить в отделении среди ночи незнакомых людей. Обычное в общем-то дело – такой незапланированный визит перепу-

ганных родственников.

Ее испугало лицо девушки. Глаза. Таких глаз не бывает.

Все равно что смотреть в пламя лампы. В зеркало. В лунный блик на воде. В лицо мамы.

– Садись, – тихо сказала девушка.

Анна присела у постели. Ноги словно подкосились.

– Кто ты? – прошептала она.

– Не сейчас. Помоги.

Девушка протянула руку. Анна помедлила, прежде чем коснуться ее.

как будто падаешь в бездну...

– Что я могу? – Губы шевельнулись сами. – Чем помочь...

– Ты можешь все. Поддержи меня. – Девушка перевела взгляд на Шедченко. Парень спал... или был без сознания. – Он может уйти, Аня. Надо помочь ему... немного...

холодно... почему холодно, когда ее глаза – свет? пусть, она отдаст все тепло, если так надо...

Наверное, это был лишь короткий миг. Или короткий час. Анна подняла глаза, когда их руки разжались. В пальцах были боль и холод, но в глазах девушки по-прежнему теплел огонь. Возвращал силы.

Интересно, огню холодно – когда он горит?

– Саша поправится, – сказала девушка.

На кармашке ее халата были вышиты буквы – «А.К.». Это был ее халат, Анны Корниловой.

И лицо девушки было ее лицом.

– Почему я? – прошептала Анна. – Я... недостойна...

Девушка покачала головой. Коснулась ладонью ее щеки – и Анна дернулась вслед быстро ускользящим пальцам, так тянется за человеческой рукой бездомный котенок.

– Ты чиста.

– Нет...

– Отныне и навсегда – ты чиста, Анна.

– Я думала, ты вновь придешь мужчиной. – Ее голос сорвался, когда она поняла, что говорит и о чем думает.

– Нет в этом разницы, Анна. – Она... он провел ладонью над ее лицом, снимая страх. – Теперь все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – прошептала Анна.

14

Поезд шел на удивление быстро. То ли порядка на железной дороге стало больше (хотя с чего бы?), то ли просто возло.

Шедченко курил в темном холодном тамбуре. Лязгала вагонная сцепка, за запотевшим стеклом уплывали вдаль огоньки Коломны. Через три часа Рязань, еще через три – Сасово. К утру он доедет.

Сняв в пальцах окурок, Николай щелчком отправил его в заплеванное мятое ведро. Поколебавшись, потянул из пачки еще одну сигарету. И что с ним сегодня творится... весь на нервах. С вечера начала побаливать голова – напоминанием

о тех мучительных приступах, что порой едва не валили его, здорового мужика, с ног. Потом вроде отпустило, но надолго ли...

Шедченко чиркнул зажигалкой. Так и всю ночь просто-таки недолго. Забывая потихоньку про начинающиеся через сутки учения, просчитывая, что ждет его в Сасове. А что... выйдет из поезда с красными глазами и помятым лицом не спавшего человека. Сразу видно – переживал всей душой.

Мысль была противной и циничной, он поморщился, отгоняя ее. Нечего загадывать худшее. Человек куда прочнее, чем можно представить. Сашка поправится и еще потреплет нервы и сестре, и ему – далекому украинскому дядюшке. Забрать бы их из этой глухомани, пристроить в Киеве, поближе к себе, парня определить в училище – быстро бы дурь вышла. Только поздно уже, раскололась страна, и все, кому не лень, находят отраду в патриотизме. Вот и сестра: «Я – россиянка...» Россиянка, в хвост и гриву, мать украинкой была, папаша – вообще невесть кто. А все одно, поделили их, и немного же труда для этого потребовалось.

Шедченко прислонился лбом к холодному стеклу. Опять начинала болеть голова. Он стоял несколько минут, с ужасом чувствуя, как нарастает боль. Не хватало ему этой мигрени, дамской болезни, от которой ни один врач никогда не вылечит...

– Терпеть, – приказал он себе. – Тер-петь!

И боль словно послушалась, исчезла, всосалась куда-то в

свое тайное логово. Только в висках слегка ломило, но это ерунда. Шедченко даже вздохнул облегченно и растерянно. Все-таки надо поспать. Ничего он тут не выстоит, в этом грязном, пропитанном туалетными ароматами тамбуре...

– Полковник...

Шедченко обернулся. Надо же, как прихватило минуту назад – даже не услышал, как кто-то вошел.

В двух шагах от него стоял рослый голый мужик.

Шедченко с трудом подавил гримасу. Ох как не любил он таких вот юродивых, с мычанием слоняющихся по вагонам, ноющих о своих невообразимых бедах и болезнях, сшибающих штуки с сердобольных пассажиров...

Но этот на попрошайку не походил. Слишком уж крепок, никто такому не подаст. Да и шататься голым по вагонам червато неприятностями. Псих?

А хорошее, кстати, зрение у психа. Разобрать в темноте полковничьи погоны...

– Зажги огонек, – сказал мужчина. Не слишком напористо сказал, но Шедченко почему-то повиновался.

Язычок пламени затрепетал между ними.

– Б-блядь... – прошептал Николай.

Человек с его лицом ухмыльнулся.

– Полковник, дай шинель набросить. Простывать нам не след, верно?

– Ты кто такой? – Шедченко стал стягивать незастегнутую шинель, не понимая, почему повинуется этому... этому...

– Подожди... – Мужчина торопливо надел шинель, аккуратно застегнулся. – Нам сейчас только паники не хватало.

– Кто ты? – с нажимом повторил Шедченко. Первая оторопь уже проходила.

– Я – это ты.

Часть вторая

Версии

0

Карамазов проснулся разбитым и несчастным. Вчерашний бред лишил его сил... Бред? Если бы. Он получил заказ от Тьмы. Слуга превратился в хозяина, хозяин – в слугу.

Как все было просто раньше. Странные сны приходили, когда ему требовалось кого-то найти, превращались в легкое, спокойное знание. Он выполнял работу, не особо задумываясь, что помогает ему – интуиция, подсознание или какая-то сила. Мало ли тайн в мире – одни видят чужие болезни, другие предсказывают землетрясения... Он находит клиентов.

Расплата?

Илья впервые осознал, что там, за гранью яви, в пророческих снах, выводящих его на жертву, было не только знание. Еще и воля... сломавшая его в доли секунды. Потребовавшая служения. Шесть клиентов...

Он видел их всех. Как на ладони – шесть фишек, которые надо убрать с игрового поля. Старый еврей... Не им ли заняться первым? Москвич, и сопротивление минимально. Впрочем, и мальчик абсолютно беззащитен...

Карамазов скривился. Убивать детей – ну и работка. Ему пришлось однажды убрать паренька, сына клиента, уж слишком цепко тот глянул в его лицо. Но тот паренек был постарше, и он попросился сам. Нельзя смотреть в лицо смерти. Запоминать широкие скулы и голубые глаза, поблескивающие от контактных линз.

А этого мальчика жалко. Хорошо – не девочка, а то ведь, увидев лицо, слишком нежное для пацана, он на мгновение испугался. Хоть этого Тьма не потребовала... спасибо ей.

Карамазов неохотно заправил кровать. Прошел на кухню, включил газ под чайником, глянул в окно, где под холодной моросью спешили к электричке прохожие.

Старик и мальчик. Легкая работа. Дальше?

Он вполголоса выругался.

Депутат. Да еще не из рядовых... один из самых активных и известных. Такого охраняют не лохи... И вся милиция встанет на дыбы, когда он получит пулю в затылок. Политика, Бог ты мой, зарекался с этим связываться...

Украинский вояка... неприятно, но по сравнению с депутатом – мелочь. Тем более он в России. В отпуске.

Писатель. Вообще странное дело. На таких заказов не бывает. Сказочник какой-то или фантаст... Жюль Верн доморощенный. Сколько таких он повидал в коридорах редакции – самодовольных и неуверенных одновременно. Кому он мог помешать? То есть кому – понятно, а вот чем...

И эта девушка, провинциальный врач. К ней, что ли, едет

хохол? Чем-то они связаны, все шестеро, незнакомые друг с другом, но попавшие в один заказ.

И почему-то все шестеро – двоятся!

Карамазов вскочил, заметался по кухне, чувствуя, что сходит с ума. Заказ, заказ, заказ! Выполнить – и лечь на дно. Прожить спокойно год-другой где-нибудь в глуши. Забыть про тот миг, когда Тьма поменяла их роли.

– Почему они двоятся? – закричал он.

Тихо запел чайник. Илья сдернул его с огня, словно забыв, что можно просто потушить газ. Постоял, озираясь, бухнул чайник в раковину.

Не хотелось ни чая, ни кофе. Он не чувствовал себя сонным.

Достав из холодильника пакет с апельсиновым соком, Илья жадно выпил стакан. Соки полезны, в них витамины. Умные люди пьют сок, не курят и не употребляют алкоголь. Это залог долгой и счастливой жизни.

– Я вас сделаю, – прошептал Илья.

И медлить не стоит. Если работать быстро, на пределе, то он уложится в два-три дня. Обидно лишь, что писатель далеко... где-то в Азии.

Впрочем, останется ли он там?

Илья кивнул своим мыслям.

Начать стоит со старика. Никаких угрызений совести – он свое отжил. Никакого риска. Четкая и непонятная для следствия работа.

Решено – сегодня он и начнет.

Надо лишь выбрать инструмент. Что лучше – проверенная дешевка или приобретенная специально для акции экзотика?

Многие считают «ПМ» неудачной моделью пистолета. Одно из самых распространенных мнений: оружие, из которого, если повезет, можно застрелиться.

Илья пользовался «ПМ» из чисто экономических соображений. Более дешевого и распространенного пистолета не существовало, а пристрелять оружие много труда не составляет. Когда каждая акция заканчивается уничтожением инструмента – это немаловажно. Сейчас он предпочел бы что-либо более точное. Хороший револьвер, например. Или «стечкин»...

Но нестандартное оружие свяжет все шесть акций между собой.

Карамазов хмуро повертел «ПМ» в руках. Ладно, еще послужит. Хотя бы на две первые акции, где сопротивления не будет. Он вставил запасную обойму, старую опустил в карман. Закрыв глаза – и представил четко и ясно, словно видел тысячу раз, старую «хрущеву». Хиленько живет профессор... он ведь профессор, верно? Деревянная дверь со слабыми замками, осторожные соседи. Даже домофона на подъезде нет.

Он глянул на часы – до электрички еще двенадцать минут. Умные люди не спешат, они просто выходят вовремя. Илья

побрился, зажмурившись, окатил себя «Плейбоем».

Теперь пора.

...Билет на электричку он, выходя на Ярославском, аккуратно отправил в карман. Транспортные расходы ему оплачивала редакция, где Карамазов числился редактором. Деньги для него смешные... однако надо поддерживать образ прижимистого, но любящего пофорсить человека.

1

Это не могло быть правдой. Только сном – непонятно лишь еще, страшным или нет. Кирилл молча смотрел на своего двойника, не делая даже попытки подняться с кровати. Визитер...

– Я оденусь, – сказал тот, открывая шкаф. Кирилл отвел глаза. – Мать когда придет?

Кирилла обдало холодом.

Так оно и происходит? Ты сидишь дома, и появляется кто-то, не отличимый от тебя как две капли воды. Появляется, чтобы занять твое место.

Не умненький робот-двойник из детской книжки. Не монстр-оборотень из американского ужастика. Просто двойник – такой же мальчишка, ежащийся от холода и торопливо натягивающий твой старый свитер. Визитер...

Мальчишка шагнул к нему, присел на корточки возле кровати. Заглянул в глаза.

– Кирилл, мне не нужна твоя жизнь... и твоя мама.

– Кто ты? – прошептал Кирилл.

– Больше, чем ты. Я – Визитер.

Он не улыбался. Не пытался говорить понятнее. Кирилл вдруг понял, что Визитер добивается лишь одного – чтобы ему поверили. Перестали путать со сном.

И он уже добился своего.

– Что тебе надо?

Мальчишка поднялся. Посмотрел в окно – в дождливую ночь. Сквозь нее... выше ночи...

– Мне нужна Земля, – сказал Визитер.

Они вновь смотрели друг на друга. Кирилл понял.

– Ты... оттуда?

Визитер кивнул. Протянул руку, касаясь плеча Кирилла, легонько притягивая к себе.

– Миллионы миров. Мы ищем их. Мы выбираем Путь.

– Кто – «мы»?

– Визитеры.

– Ты не один?

Визитер словно вслушался во что-то, безмерно далекое.

– Не один. Нас... – Он замолчал, мучительно морщась, словно пытаясь найти слова, которых не было. – Нет, не так... Я объясню по-другому. Ты умеешь уводить словами?

Кирилл не ответил, но этого и не требовалось.

– Сквозь темноту небытия, – сказал Визитер. – Сквозь столетия. Мы осознали свою цель, и мы ищем других – что-

бы помочь.

...Огонек звезды. Ослепительный шарик, окруженный черной роящейся мошкаррой. Космические корабли? Или... живые?

Иглы-кристаллы, скользящие во тьму, прочь от тепла. Неторопливые и неудержимые. Ни размеров, ни скорости, они могли быть большие планеты или меньше песчинки, мчаться или ползти, этого не понять. Нет ориентиров.

Жизнь осознает себя и ищет цель. Тысячелетия ложных идеалов, напрасных усилий. Миры, рожденные, чтобы умереть, живут. Миры, рожденные, чтобы жить, погибают.

Так просто помочь им – для тех, кто осознал свою цель. ...Над планетой, раскрашенной белым и голубым, летела черная игла.

Не так уж и много целей было у этого мира. Простейшие варианты. Ему легко помочь.

Он сам выберет свое будущее.

Осознавшие Цель ничего не навязывали силой.

Взгляд или что-то большее, чем взгляд, скользнул по планете, отыскивая тех, кто сделает выбор. Вобрал их в себя – на короткий миг, показавшийся людям бесконечным днем. Преломил в черных плоскостях кристалла.

И отбросил отражения обратно.

Выбор Пути начался...

...Кирилл выдохнул, оседая на кровать. Визитер стоял рядом, все еще держа его за плечо.

– Я пришел помочь вам, – сказал он. – Дать цель существования. Твой смысл жизни – для всех людей. Ты ведь рад? Смысл? Кирилл вздрогнул.

А какой смысл в его жизни, в тринадцати прожитых годах? Каждый ведь считает себя центром мира. Каждый верит в свою исключительность. Его приятель Максим, учительница литературы, прочитавшая меньше книжек, чем Кирилл, вечно пьяный сосед с седьмого этажа, режиссер с телевидения, решивший заткнуть пустую графу «детские программы» юным поэтом... Они задумываются над тем, для чего живут?

Может быть, и к ним пришли Визитеры?

– Остальные? – спросил он.

– Они тоже хотят дать смысл, – терпеливо объяснил тот. – Но они ошибаются. Я знаю, ведь я – это ты, и даже больше.

– И чего я хочу?

Визитер молчал. Когда Кирилл поднял взгляд, он отвел глаза.

– Многого. Ты можешь стать кем угодно, ты еще не решил. Поэтому победим мы.

Кирилл осторожно снял его руку со своего плеча. Инопланетянин... Тощий пацан, его собственное отражение.

– Я человек, – сказал Визитер. – У меня зуб болит, потому что ты боялся идти к врачу.

– Я не боялся!

Виз только улыбнулся.

– Еще я хочу есть. Как и ты.

Кирилл быстро взглянул на часы. Надо поесть, прежде чем придут с работы родители. Не показывать же им Кирилла-два...

– Ты сумеешь спрятаться? – на всякий случай спросил он. – Чтобы тебя никто не увидел.

– Я могу только то, что можешь ты.

Ужас. Пришелец со звезд, у которого даже штанов собственных не было. Которого придется прятать (где? под кроватью?), украдкой кормить, поражая маму удвоившимся аппетитом... И как долго все это?

– Как ты... мы... должны победить?

– Последний оставшийся из Визитеров является наиболее соответствующим данному миру, – скучным голосом сказал Виз. – Соответственно, его жизненные цели должны доминировать. Просто, правда?

Соответствующий миру? Чем соответствует он, мальчик, когда-то умевший писать стихи? Не умеющий драться, не имеющий родителей-миллионеров?

– Они не смогут меня уничтожить, – продолжил Виз. – Человеческая мораль осуждает убийство ребенка, значит...

Кирилл засмеялся, глядя в собственное отражение. Виз не только не умел ничего, что должен уметь любой пришелец со звезд.

Он еще и ничего не понимал.

Ирония судьбы – чудо случилось с человеком, не верящим в чудеса. Ярослав смотрел, как его двойник разливает кофе, безошибочно выбрав из четырех пачек самое лучшее – «Маэстро Лоренце». Да, наверное, и он так же морщится, подхватывая джезву с огня...

– Приходите вы на пляж, а там станки, станки... – задумчиво сказал Слава. – Человеку, который всю жизнь придумывает невозможное, трудно в него поверить.

– Допустим, я верю. Кто ты?

Его двойник вздохнул.

– Ты хочешь правды? Или этикетки?

– Правды. А этикетку прилепи себе на задницу. – Ярослав посмотрел на оттянутый карман халата. – Пистолет ты у меня забрал, теперь можешь спокойно говорить.

– Я вот и думаю... – Двойник сел напротив. – Ты же ни во что не веришь, Ярик. Что я могу сказать?

– Правду.

– Ладно. Начнем. – Он сделал маленький глоточек. – Во-первых – не ты один сейчас сидишь перед двойником. Пришли несколько человек. Старичок-ученый, депутат, мальчик, врач... Тенденцию замечаешь?

Ярослав кивнул.

– Разные социальные группы.

– Молодец. Не совсем социальные, но, в общем, ты прав.

Были отобраны самые разные люди.

– Кем отобраны? – с нажимом спросил Ярослав.

– А вот здесь правда кончится. Ты веришь в инопланетный разум? Или в потусторонний мир?

Ярослав улыбнулся.

– Во-во. – Слава развел руками. – И я о том же. Каждый из твоих «коллег» получил свое объяснение. Мальчик...

– Про инопланетян.

– Конечно. Дедок-профессор – о новом законе природы. Девочка...

– Какая девочка?

– Врач... она считает, что начинается апокалипсис. – Слава засмеялся, сморщив лицо. – Поверхностная религиозность, знаешь ли, до добра не доводит.

– Интересно, что сказали депутату...

– Ничего. Его уже нет, Ярик.

Они переглянулись через стол: двое мужчин, один из которых был не совсем человеком.

– Визитеру не обязательно сохранять жизнь оригиналу, – мягко сказал Слава.

– Выходит, мне повезло? – Ярослав надеялся, что слова прозвучат убедительнее, чем он сумел их сказать.

– Скорее не повезло вашему политику. Удивительно, насколько моральны оказались все отобранные.

– При чем здесь мы?

– Этика Визитеров отражает этику прототипов.

– Кто вы?

– Я же говорю – для тебя нет приемлемого ответа. Ты привык оперировать самыми разными вариантами. Убеждать других в их реальности. Теперь расплачивайся.

– Но ты – не человек.

– Не совсем человек. Мне нужно есть и пить, Ярик. Меня можно убить... так же просто, как и тебя. Но я появился на свет полчаса назад. Считай меня просто ходячим символом, этикеткой, на которой написано «творчество».

– Знаешь, меня не покидает ощущение сна.

– Тогда считай его кошмаром, от которого не проснуться.

– Почему же кошмаром? Беседа за кофе – не самое страшное происшествие.

– Ярик...

– Прекрати меня так звать.

– Ярослав, у нас, пришедших, есть маленькие разногласия. Каждый из нас считает, что люди живут неправильно.

– А кто на Земле считает иначе?

– Да, но только у нас есть возможность доказать свое мнение. Очень простым образом – тот, кто продержится дольше, считается правым.

Он понял сразу. Жизнь переломилась надвое с этим непрошеным чудом, с этим скрипом двери в пустой квартире. А чудеса добрыми не бывают.

Ярослав поймал взгляд Визитера. Сочувственный? Как бы

не так. Он сам никогда не умел сочувствовать. Это редкость – человек, понимающий чужую боль.

– Вы собираетесь убивать друг друга?

Тот лишь пожал плечами.

– Очевидно. Я против такого метода, но остальные выберут его. Понимаешь, ведь все, все допускают убийство – хотя бы во имя высоких целей. Защитить себя, Родину, друзей – это искупает вину. Так ведь? А здесь цель выше... дать счастье миру.

– Сделай еще кофе, – попросил Ярослав. На мгновение он удивился своему тону – так говорят старым друзьям.

Впрочем, Визитер был им самим.

– Ты начинаешь верить, – добродушно сказал тот.

– Кем ты себя воспринимаешь?

– Хороший вопрос, – вытрясая молотые зерна в джезву, отозвался Визитер. – Писателем Ярославом Заровым. Популярным поставщиком читабельной массы.

– А еще?

Визитер косо глянул на него.

– А еще я знаю, что являюсь лишь его копией. Порождением непонятной силы, решившей... э... упорядочить человеческую жизнь.

– Ты и правда не знаешь, как возник?

Визитер молчал так долго, что он перестал ждать ответа.

– Хотел бы я ответить, Ярик. – Во взгляде Визитера вдруг пробила тоска. – Хочешь знать, как это было? Я засыпал.

Проехала машина, я приоткрыл глаза. Посмотрел в потолок. Понял, что не усну. Решил встать и сесть за компьютер.

Он резко выдохнул, словно отсекая воспоминания.

– И оказался в коридоре. Голый и босой. И знающий, что теперь я – двойник. А ты – настоящий... лежишь в постели. Открыл дверь в ванную, надел халат, прошел на кухню и включил свет.

– Значит, я поступил бы так?

– Ты так и поступил... – Визитер резко обернулся, подхватывая закипающий кофе. – У меня не спросили разрешения и ничего не потрудились объяснить. Я просто знаю – нас шестеро. У всех, кроме меня, есть объяснения произошедшему, но что в них правда, а что ложь, я не знаю.

На короткий миг Ярослав представил себя там, у плиты, в накинутом халате, осознающим, что он – лишь копия. И отпрянул, словно схватившись за раскаленный металл.

– Извини, – прошептал он.

– Ты ни при чем. Пойми, мы уже разные. С каждой секундой нас разводит все дальше и дальше. Через несколько лет мы станем... ну, как близнецы, долго жившие вместе. Если, конечно, у нас будут эти годы.

– Что ты знаешь про остальных?

Визитер пожал плечами.

– Я их чувствую. Где они и что могут сейчас делать. Это не телепатия, больше похоже на догадку. Ты так чувствуешь Галину.

Это был словно удар под дых.

– Я не знаю, где она, – прошептал Ярослав.

– Брось. Ты представляешь. Она дома, в этой квартирке в микрорайоне. Одна. И тоже не спит, читает своего любимого Дюрренматта.

– Чушь.

Визитер удивленно смотрел на него.

– Так ты не можешь ощутить других людей? Что они делают, о чем думают? Даже свою бывшую жену, которую до сих пор любишь?

– Нет.

Молча налив кофе, Визитер снова сел напротив. Взглянул на Ярослава – не то с иронией, не то с жалостью.

– Эй, мужик... А как же ты книжки пишешь?

– Я вру.

3

Неужели именно так он выглядит? Аркадий Львович со смешанным чувством жалости и брезгливости смотрел на старика в кресле. Не то чтобы дряхлый, без малейшего намека на лысину. Зато одутловатый, с нездоровым серым лицом и перевитыми синими шнурами вен запястьями. Слегка полуоткрытый рот, сточенные серые зубы. Профессор. Академик. До сих пор известный и уважаемый в узких кругах.

– Порой мне кажется, что в ларце Пандоры хранилось и

зеркало, – сказал старик. – Люди не должны знать свой облик, это жестоко в большинстве случаев.

– Это похуже зеркала, – прошептал Аркадий Львович.

– Да, да, – согласно закивал старик. – А чего ты ждал от семидесятилетнего онкологического больного?

Слово прозвучало, убийственно-равнодушное, и сердце болезненно сжалось.

– Я полагаю, что имею право на откровенность и некоторый цинизм, – продолжал старик. – В конце концов, я ничуть не в лучшем положении. Понимаешь?

– Кто ты?

– Твое отражение. – Старик выбрался из кресла, подошел к нему. – Аркаша, полагаю, мы не станем обсуждать версию, что я – лишь галлюцинация? В связи с полной ее бесплодностью.

Аркадий Львович кивнул.

– Прекрасно, – оживился старик. – Идею с нашедшимся на старости лет сумасшедшим братом-близнецом оставим для дешевых комедий. Перейдем к делу?

Он снова послушно кивнул.

– Ты помнишь, как перестал верить в Бога?

– Сила такого масштаба не может быть бездеятельной, – кашлянув, произнес Аркадий Львович. – То, что она не проявляется реальными фактами, – показатель ее отсутствия.

– А в законы природы ты веришь?

Доктор философии Зальцман слегка улыбнулся.

– Не в таком проявлении.

– Прежним первооткрывателям данного закона не удалось о нем поведать.

– Хорошо. Говори.

– Человеческое общество не является простой суммой индивидуумов. Оно обладает некоторой... э... силой. И определенной свободой воли.

– Достаточной, чтобы создать копию старого грустного еврея?

– Например. И не только его.

Аркадий Львович картинно обернулся.

– Не здесь. К счастью, остальные не здесь.

– А какова цель такого божественного акта?

– Выбор. Человечество несет в себе самые различные тенденции развития. Назовем их векторами. Вектор силы, вектор творчества, вектор власти, вектор гуманизма, вектор развития, вектор знания...

– Последнее, очевидно, ко мне.

– Да.

– А развитие?

– Все тенденции, но в подавленном, латентном состоянии.

Джокер в колоде.

Зальцман кивнул.

– Ребенок?

– Да. Он нас не волнует. Эту карту побьют первой.

– Объясни.

– Мы – Посланцы. Мы не обладаем... почти... возможностями, выходящими за рамки обычных человеческих сил. Мы вынуждены подстраиваться под общество, жить по его законам – неписаным законам. Тот, кто наиболее приспособлен к обществу, наиболее важен и адаптирован, проживет дольше других. Он победит – и тот вектор, который воплощен в нем, станет доминировать на долгое, очень долгое время.

– Ты же знаешь – я умираю.

– Знание умирает. Ты думаешь, выбраны лучшие? Нет, типичные. Автор массового чтения – на роль творца, разочаровавшийся в профессии военный – на роль посланца силы, продажный политик – на роль посланца власти...

– Я не доживу до весны! – почти срываясь на крик, сказал Аркадий Львович. Закашлялся – и острая боль услужливо подтвердила его слова.

– Нам помогут не дожить и до зимы.

– Даже так?

– Конечно. Насколько терпимо общество к убийствам?

Аркадий Львович не ответил.

– Полагаю, почти все Посланцы придут к этому выводу. Кроме девушки и мальчика, вероятно.

– Это безумие...

– Да, но оно рождено существующим миром. Ты хочешь, чтобы все вокруг стало твоим? Не принадлежащим тебе, а просто отвечающим твоим представлениям о правильном

обществе?

– Дурацкий вопрос.

– Так вот и все остальные Посланцы хотят того же. Остается решить маленькую проблему – заслуживают ли физического уничтожения представители иной точки зрения?

– Нет, – резко сказал Аркадий Львович.

– Ты действительно считаешь так? Ладно, оставим в стороне мальчишку, который не является никем и ничем. Забудем про девушку с ее сумбурной религиозностью и тягой к всепрощению. Возьмем для примера писателя. Добрый человек. Странник великих империй, создающихся любой ценой. Хоть на крови и костях, хоть на ядерных бомбах и напалме. Хороший человек. Четко решивший для себя – цель оправдывает средства. И если для светлого будущего надо уничтожить половину человечества – это оправданно.

– Ты называешь его добрым человеком?

– В жизни. Но если его копия, Посланец творчества, останется последним...

– Полагаю, Сила и Власть еще более неприятны?

– В общем – да. Эта троица, кто бы из нее ни победил, утопит мир в крови. Во имя каких целей – не так уж и важно. Ответ – они не заслуживают уничтожения? Твое мнение решает многое.

– Апробативная этика.

– Да. Если ты против такого будущего – то вынужден признать этичность их уничтожения. Если признаешь необходи-

мость этого, то мальчик и девушка станут просто неизбежным довеском.

– Они что, могут прийти к власти? В России, во всем мире?

– Зачем же. Просто та тенденция, которую они выражают, победит. Их мечты может осуществить и кто-то другой – уже не важно.

– Я не собираюсь никого убивать. И ты этого не сделаешь.

– Да? Может быть, – усмехнулся старик, – ты скажешь мне, что никогда и никого не убивал?

4

Илья не имел проблем с милицией. Возможно, это тоже было частью игры с Тьмой, как и нюх на клиента. Эти затянутые в форму тени, слоняющиеся по станциям метро и тем улицам, что поосвещеннее, словно не замечали его. Порой Карамазову казалось, что если он достанет на улице пистолет, то шарахнутся только прохожие. А стражи порядка будут все так же смотреть сквозь него – бдительно и неподкупно...

Он подумал об этом, когда втягивающаяся на эскалатор толпа на мгновение прижала его к молодому лейтенантику, прижала крайне неудачно, так что пистолет во внутреннем кармане плаща уперся ему в спину.

Лейтенант не обернулся.

Карамазов выскользнул из толпы на выходе, остановился у заваленного газетами и журналами столика. Молча протянул деньги, указав на свежий номер «Скандалов». Без особой надежды – времена, когда эта газета устраивала фотOVERнисажки обнаженных девочек, давно прошли. Все же он продолжал покупать бульварную газетку – с легким чувством ностальгии. Интересно, какой процент читателей испытывали то же самое?

Илья полагал, что немалый.

Он опустил газету в карман, двинулся, не особо размышляя, куда несут его ноги. Тьма выведет его к цели, так бывало всегда. А дальше он сам вступит в игру.

Старик свое отжил...

К обеду слегка развиднелось. Кончился дождь или, скорее, приутих на время. Илья дважды сворачивал, каждый раз ощущая, что приближается к клиенту. Не напрямую, скорее по спирали, но это не важно... Обнесенная крепким забором церквушка, реставрируемая уже с полгода. Гастроном, до перерыва – семь минут. Илья зашел, прогулялся вдоль прилавков и, ничего не купив, вышел с последними покупателями. Дальше... Крепкий кирпичный двенадцатиэтажник. А вот три старые пятиэтажки, невесть как уцелевшие в этом районе. Неотличимые с виду.

Илья замедлил шаг.

Быстрота и аккуратность. Никакого планирования – это просто не нужно. Звонок, щелканье замка, выстрел. Он по-

хлопал себя по карману – тоненькая стопка предвыборных листовок какой-то партии была при нем. Нормальный повод для визита. А цепочки, наивно используемые для таких случаев, редко выдерживают удар плечом. Впрочем, старик может и не накинуть цепочку...

Он вошел в подъезд, помедлил секунду. Третий этаж. Направо.

Глубоко вздохнув, Илья начал подниматься по лестнице. Не крадучись, но достаточно тихо, чтобы самая бдительная пенсионерка не дернулась к глазку. В продуктовых магазинах рядом перерыв – тоже меньше шансов, что кто-то покинет квартиру. А в круглосуточные супермаркеты жильцы таких домов не ходят.

При последних шагах он переложил пистолет в правый карман плаща, сдвинул предохранитель. Достал стопку листовок, мельком глянув на текст.

«Партия работников электростанций и тепловых сетей. Мы – за Свет и Тепло!»

Бывает...

Он позвонил.

Тишина. Давай просыпайся, дедушка. Отложи свои умные книжки или недочитанную «Правду». Всунь ноги в теплые шлепанцы. Илья принес тебе тепло и свет – последний свет в твоей жизни.

Тишина. Илья позвонил еще раз, чуть длиннее.

Ни звука, ни шороха в ответ. В глазке – тусклый свет, про-

фильтрованный шторами.

Клиент ушел? Или сам откинул копыта?

Он растерялся. Такого не случилось... никогда. Он вышел к цели, вышел в нужный момент. Клиент должен быть здесь. Илья прикрыл глаза, вглядываясь в то, что было в нем. Но Тьма молчала.

Карамазов легонько постучал по двери. Совсем тихо. И дверь, словно ожидая его прикосновения, качнулась, отворяясь. Это было так неожиданно и странно, что он отшатнулся на шаг. Ловушка? Случайность?

В мире не бывает случайностей...

Он толкнул дверь посильнее, и та послушно раскрылась. Хилая, ненадежная дверь, открывающаяся вовнутрь. Не способная защитить. Защелка английского замка втянута и зафиксирована. Случайностей не бывает.

Чистенький коридор. Голая вешалка без всяких следов одежды. Слабый запах старой квартиры.

Илья вошел, аккуратно притворив дверь. Вынул пистолет, позвал:

– Хозяева дома? Ничего не случилось?

Тишина.

Он двинулся по квартире, коротко заглядывая в двери. Зал. Пусто. Спальня. Пусто. Это, похоже, кабинет. Тоже пусто. Кухня, ванная, туалет... Он смачно плюнул в унитаз. Никого. Пустая и открытая квартира. Это походило на издевку.

Может, заглянуть в шкафы и под кровать – для очистки совести? Или просто признать, что он прокололся?

Илья вошел в кабинет. Полки с книгами, стол, тахта... Здесь, похоже, старик и спал, а вовсе не в спальне. Не спрятаться.

Его взгляд остановился на столе. Старый, советских еще времен кассетник «Электроника» лежал посередине. Шнур тянулся к розетке... клавиша воспроизведения была нажата. Так же, как и кнопка «пауза».

Словно загипнотизированный Илья подошел к столу. Поколебался секунду... Да нет, бред, откуда у старого гуманитария взрывчатка и навыки для сборки бомбы?

Он отжал кнопку. Магнитофон облегченно вздохнул, начиная протягивать ленту.

– Уважаемый Посланник...

Илья ни секунды не сомневался, что кассета была для него. Безумное обращение роли не играло, запись сделали для пришедшего убивать. А старческий голос продолжал:

– Прекрасно понимая всю слабость своей позиции, я все же не склонен покорно дожидаться вашего визита... Если он, конечно, состоится... – почти без перерыва, словно старику не нужно было перевести дыхание. – А он состоится... полагаю, около двух-трех часов дня. Дверь в квартиру не заперта, чтобы избавить вас от сомнений и трудов. Большая просьба обдумать еще раз ситуацию и подумать о переговорах. Я буду звонить каждые пятнадцать минут, потрудитесь поднять

трубку. Пока располагайтесь поудобнее. В холодильнике есть неплохой коньяк... – Смешок. – ...если вы, конечно, совершеннолетний. А на кассете далее хорошая музыка, надеюсь, вам нравится Бах. До свидания.

Секунда тишины – и напор органа.

– Ты... старая дрянь... – прошептал Илья. – Ты... ты...

Орган ревел. Через этот дрянной магнитофон прекрасная музыка казалась бессмысленным шумом. Интеллигент, мать его...

Карамазов выдернул шнур из розетки, и магнитофон взвыл, затихая.

– Ты знал! – выкрикнул Илья. – Ты знал!

Откуда, почему?

Кто вмешался в игру, кто мог предупредить клиента? Мишень слетела со стены тира, ушла с прицела. Коньяк в холодильнике, мать его... Он не самоубийца. Взрывчатка – штука, не слишком доступная для лохов, а вот отраву можно найти в любой квартире...

Карамазов метнулся в коридор, снова проверил комнаты. Никого.

Он набросил цепочку на дверь, зафиксировал язычок замка. Илья прекрасно представлял ситуацию, когда он поднимает трубку, начинает разговор... Бог знает с кем, а вошедший в это мгновение старик палит ему в спину из какого-нибудь древнего маузера, которым его деда-красногвардейца наградил лично Чапаев.

Как он узнал? Что происходит? Самая легкая мишень, не способная сопротивляться, скрылась. А что выкинут клиенты покрепче? Здоровые, сильные мужики?

На столе задрезжал телефон.

Илья взял трубку осторожно, как гремучую змею. Молча поднес к уху.

– Алло?

Сомнений нет – тот же старческий голос.

– Алло...

– Говори! – Илья с трудом заставил себя ответить. Не любил он общаться с будущими клиентами.

Неожиданная тишина. Только невнятный шум улицы – звонили из таксофона.

– Говори!

– Кто вы? – с явным удивлением в голосе.

– Тот, кому была оставлена кассета.

Пауза.

– Вы лжете.

– Нам надо встретиться и поговорить, – уже чувствуя, что клиент ускользает вновь, сказал Илья.

– Вас не было! – с каким-то упрямым непониманием. – Зачем вы вошли?

Пожалуй, здесь требовалась определенная доля правды.

– Чтобы убить вас. Но я уже передумал. Давайте встретимся и...

С неуместной виноватостью в голосе клиент произнес:

– Я, очевидно, чего-то не понимаю...

И частые гудки. Мишень ускользнула вновь.

Илья опустил трубку на рычаг, замычал, как от неожиданной боли. Они оба ничего не понимали. Кроме того простого факта, что один из них охотник, а другой – жертва.

А самым тревожным было то, что он не чувствовал клиента. Не знал, где тот может скрываться.

В эту квартиру старик не вернется, это уж точно.

Илья меланхолично оглядел кабинет. Книги, книги, книги. На кой черт их плодят одну за другой? Кому все это нужно? Ему всегда хотелось задать этот вопрос на работе, но из уст редактора он прозвучал бы слишком странно. Илья довольствовался тем, что выполнял свою работу с неторопливостью и педантизмом, доводящими авторов до истерики.

Он открыл ближайшую полку, стал складывать книги горкой у стола. В центр всунул пухлую брошюрку с громким названием «Логика целостного мировоззрения».

За спичками пришлось сходить на кухню. Он не удержался и заглянул в холодильник... Да, если это хороший коньяк, то самогон – амброзия.

Брошюрка загоралась неохотно. Илья скрутил жгутом десяток листовок – те вспыхнули мгновенно. Тепло и свет... Он посидел минуту, наблюдая, как лепестки пламени прыгают по ножке стола. Когда полировка обгорела, а дерево занялось, он щедро досыпал в костер книги с другой полки.

Хватит, пожалуй.

Спички он положил на место, потом открыл пару конфорок. Старый дом – нечего ему торчать в центре любимого города. Илья не спеша подошел к двери, глянул в глазок. Никого.

Освободив защелку, он захлопнул за собой дверь и стал спускаться, все еще держа руку на пистолете. Провал? Да. Ничего, наука на будущее. Нельзя медлить, нельзя расслабляться. Тьма предупреждала – клиенты не из простых.

Ничего. В городе остались еще две мишени. И одна из них вполне доступна для быстрой акции.

5

– В офис, Рашид Гулямович?

Визирь кивнул водителю, закрывая дверцу. Машина медленно выехала за ворота.

– Фархад, – негромко позвал он. Охранник, сидевший рядом с водителем, обернулся. – У тебя усталый вид. Какие-то проблемы?

– Нет, что вы.

– Говори, не стесняйся.

– Жену давно не видел. – Охранник покосился на водителя.

– Эх... Если бы я мог решить свои проблемы так просто... – Визирь помолчал, глядя на тянущиеся за деревьями заборы. – Бери жену, поезжай в отпуск. В хорошую страну,

где тепло и море... У тебя есть дети?

– Дочь.

– И дочурку бери. Напишешь заявление, мы оплатим. До завтра доработай, подбери замену и езжай. Подумай, где тебе хочется побывать. И не стесняйся в выборе.

– Спасибо, Рашид Гулямович.

– Не за что. Людям надо отдыхать. – Визирь улыбнулся чему-то своему. – Скажи-ка, как вы меня зовете между собой?

– Не понял...

– Как вы меня зовете? Не по имени ведь.

Фархад заколебался.

– Визирь. Простите, Рашид Гулямович, принято называть клиента коротким позывным...

– Перестань. Я все понимаю. – Визирь замолчал.

...Печально, что его предшественник так редко практиковал силовые акции. Опять придется обращаться к Романову.

И объяснять, что требуется устранить пятерых, включая ребенка?

Визирь покачал головой. Как все неудачно. Есть и другие посредники, но с ними работать приходилось реже. Соответственно – больше времени уйдет на подготовку. А Визитеры знают, что он не будет медлить.

Как неудачно.

Он достал из кармана телефон, протянул Фархаду.

– Найди Романова.

Машина пересекла кольцевую, когда охранник вернул ему телефон.

– Секретарь...

Визирь взял трубку.

– Володю.

У секретаря была прекрасная память на голоса.

– Сейчас, Рашид Гулямович...

Пришлось ждать еще несколько минут, пока тишина сменялась шумом воды и голосом:

– Да, я слушаю...

– Володя, я тебе сильно помешал?

– Нет, ничего, – без особого энтузиазма отозвался Романов. По утрам он отмокал в ванне только с сильного похмелья.

– Нам надо встретиться. Сегодня же.

Пауза.

– За ужином?

– Раньше. Давай... – Визирь глянул на часы. – Через сорок минут. – В «Салли О’Брайен». Тебе полезно сейчас выпить пива.

Романов хрипло рассмеялся.

– Да, наверное. Впрочем, я уже... Это так спешно?

– Дела, Володя.

Визирь прервал связь. Да, спиваться – это русский обычай. Запивать грехи...

– Напряженный день предстоит, – ни к кому не обраща-

ясь, сказал он. – Как я тебе завидую, Фархад.

6

«Если мама посмотрит вниз, то она упадет в обморок», – подумал Кирилл.

Людмила Борисовна, стоя перед открытым гардеробом, провела ладонью по вешалкам. Достала рубашку, придиричиво оглядела, перекинула через руку и закрыла дверцу.

Кирилл плотнее закрыл глаза.

– Не притворяйся, ты не спишь. – Мать склонилась над ним, на мгновение коснувшись губами щеки. – Я поглажу тебе рубашку. Ты в школу идешь?

«Я тоже тебя люблю, мама».

Не поднимая ресниц, Кирилл замотал головой.

– Смотри. Ты сам отказался учиться экстерном.

«Дурак был», – подумал Кирилл.

Она вышла. Мальчик дождался, пока закрылась дверь, и приподнялся на кровати.

В комнате было тихо. Кирилл осторожно подошел к гардеробу, открыл дверцу. Посмотрел вниз с робкой надеждой, что не увидит ничего, кроме пакетов с обувью и летней одеждой.

Визитер плакал.

– Ты что? – опускаясь на корточки, прошептал Кирилл.

Это было страшно и дико – видеть чужие слезы в своих

глазах.

Визитер отвернулся.

– Почему ты плачешь?

– Я не ты. – Его голос теперь казался совсем незнакомым. – У меня не будет матери. Никогда.

– Виз...

– Придумай мне имя. Человеческое. Не хочу быть тобой. Я не могу! – Визитер выпрямился, зарываясь головой в свисающие рубашки. – Дай мне имя!

– Я не умею, – прошептал Кирилл. – Сам придумай...

– Я могу лишь то, что можешь ты. – Голос Визитера стал твердым.

– Врешь! Я не могу уводить словами, как ты.

– Можешь. Когда писал стихи – мог. – Визитер перестал плакать. – Ты в себя не веришь, вот и все.

Секунду мальчишки смотрели друг на друга.

– Ты хотел иметь брата? – неожиданно спросил Визитер.

– Нет. Я сестру хотел.

– Видишь, как тебе не повезло. – Визитер попытался улыбнуться. – И мне тоже. А один Визитер убил своего двойника.

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую. Догадываюсь. Нас сегодня попробуют убить, Кирилл. Какой я дурак был, что сразу не понял.

– Надо... – Кирилл осекся.

– В милицию позвонить? И что рассказать? – Визитер вы-

прямил ноги, высовывая их из шкафа, пожаловался: – За-
текли... Мама... твоя... скоро уйдет?

Кирилл кивнул.

– Я тогда еще посплю. Закрой дверцу, изнутри неудобно.

– Шкафы не для того делали.

– Меня тоже не для того сделали, чтобы нафталином ды-
шать.

Кирилл подождал, пока Визитер втянулся в свое укрытие,
и послушно закрыл шкаф.

– Нам оружие нужно, – глухо сказал Визитер изнутри.

– Что? – Кирилл выпрямился.

– То, что слышал. Подумай.

Мальчик, который умел писать стихи, отошел к окну. По-
смотрел в серое утро.

– Не люблю осень, – прошептал он.

Скрипнула дверь.

– Поднялся?

Кирилл молча посмотрел на мать.

– Хмуришься, Кириллка... – Людмила Борисовна акку-
ратно повесила рубашку на спинку стула. – Не выспался?

*мама, у меня появился двойник. Он плачет сейчас, пото-
му что ты – не его мама. Но это ерунда, он вообще не че-
ловек. И ты не волнуйся, все равно его скоро убьют. И меня,
наверное, за компанию...*

– Я еще не проснулся.

– Так просыпайся... – Мать взъерошила ему волосы. – Я

побежала. К трем часам будь дома, хорошо?

– Хорошо, – послушно сказал Кирилл.

мы только найдем где-нибудь пару автоматов и вернемся...

...Он умывался, слушая, как в прихожей мать собирается на работу. Когда щелкнул английский замок, выскочил из ванной с зубной щеткой во рту, набросил цепочку. Метнулся на кухню, проследил, как мать вышла из подъезда. Снова бросился в ванную, сплюнул зубную пасту и торопливо прополоскал рот.

– Я твою щетку возьму, ладно? – Визитер стоял в дверях. Он натянул трико Кирилла и казался сейчас ожившим отражением, спрыгнувшим с зеркала, где ему наскучило болтаться каждое утро.

– Чего ты вылез? Я бы позвал!

– Твоя мама уже ушла. Я же не глухой. – Визитер насутился. – У нас времени мало.

Кирилл бросил зубную щетку в раковину, отпихнул Визитера и прошел на кухню.

Это же теперь навсегда!

Он будет спать в его шкафу, выбираясь на завтрак и прячась перед ужином. Искать оружие и рассказывать про свою... цивилизацию...

Временами мама будет на него натывать, но принимать за Кирилла. Или они договорятся спать в шкафу по очереди.

А потом однажды мама увидит их вместе.

– Кирилл... – Визитер коснулся его плеча. – Хочешь, я уйду? Прямо сейчас. Только дай мне какую-нибудь одежду и денег.

Он не обернулся. Молчал, глотая наворачивающиеся слезы.

– Я помню все, что помнишь ты, – тихо сказал Визитер. – И лишь чуть-чуть больше. А еще знаю, что настоящий – ты. Я тебе не хочу мешать.

– Мне страшно, – прошептал Кирилл.

– И мне. Это было нечестно. Меня зря выбрали. У меня ни одного шанса.

– Слушай... Они все хотят тебя убить?

Визитер снял руку.

– Наверное. Я тебе про них расскажу.

– Угу. – Кирилл открыл холодильник. – Любишь яичницу?.. Тьфу. Я дурак.

Визитер засмеялся.

– Люблю. Вот... один – это бизнесмен. Депутат. Он уже убил своего земного двойника.

Кирилл помедлил, ставя сквородку на огонь.

– Он сейчас будет спешить, – небрежно продолжал Визитер. – Я думаю, он наймет толпу убийц. Еще есть профессор, недалеко живет, пять станций на метро... – Он замолчал. – Знаешь, а с ним можно поговорить. Он ничего.

– Угу.

– Еще есть писатель. Он из другого города. Но он приедет

сюда. – Визитер засмеялся. – А я... ты... читал его книжку.

– Да?

– «Солнечный котенок». Помнишь?

Кирилл обернулся, растерянно глядя на Визитера.

– Про то, как пацан попал в мир, где всегда темно?

– Ага.

– С ним тоже надо поговорить, – быстро произнес Кирилл.

– Перед смертью?

– Не может быть! В книжке...

– Книжка – это совсем другое.

7

Ярослав открыл глаза. Сон был коротким и дерганым, словно с перепоя. На мгновение он успел пожалеть, что действительно не напился ночью. Головная боль и вялое тело – это сейчас было бы в самый раз.

Двойник спал рядом.

Ярослав выполз из-под одеяла. Тихо обошел кровать, стараясь не смотреть на того, кто продолжал спать. Двойник? С нервами у него получше...

– Умывайся первым, – не открывая глаз, сказал тот. – Я еще полежу.

Он вылетел из комнаты, словно получив увесистый пинок. Захлопнул дверь ванной, пустил воду.

Бывают ситуации, из которых лучшим выходом служит

безумие...

Что делал бы герой его книги в такой ситуации? Выспался, пожрал и отправился убивать конкурентов...

А разве он не говорил всегда, что его герои – это он сам? В той или иной «инкарнации»... Довыегивался. Получай теперь напарника.

Ярослав плеснул в лицо ледяной водой. Посмотрел в зеркало. Красные от недосыпания глаза и отечное лицо. Надо же, вовсе не обязательно пить для получения такого привычного эффекта.

Не выключая воды, он вытерся полотенцем и прошел на кухню. Зажег под чайником газ, посидел минуту.

Из комнаты доносились неясные звуки. Щелчок, шорохи, тихое звяканье телефона.

Он поднялся.

Двойник сидел за компьютером. Ярослав зашел как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот переключается в текстовый «редактор», оставляя работать в «бакграунде» модем.

– Что ты делаешь?

– Смотрю, что ты написал.

– А еще?

– Качаю карту Москвы.

– Откуда?

Двойник вздохнул поворачиваясь.

– Из библиотеки конгресса.

– Охерел? Ты меня разоришь! – Ярослав покосился на

телефонную розетку, борясь с желанием оборвать провод. Подходить к машине не хотелось. – Ближе не нашлось?

– Хорошей карты – не нашлось... – Тот вздохнул, покачал головой, продекламировал:

Вечер приходит даже к слепым,
И к бессмертным приходит смерть.
Дар умирать дарован одним,
Другим – лишь дар умереть.
Выровнен свет с подступившей тьмой,
Утро встретит лишь прах...

– Ну и что?

– Тебе говорили, что стихи ты писать не умеешь?

– Что тебе от меня надо?! – Ярослав не заметил, что сорвался на крик.

– Интересно, как бы мы писали вдвоем? – Двойник не обратил внимания на его реакцию. – Полная совместимость...

Ярослав захохотал.

– ...и суровый взаимный контроль. Ладно, ерунда. Ярослав, что мы будем делать?

– Ты о чем?

– О Визитерах. Можно еще называть их Посланниками, но мне нравится первый термин. Он такой... кратковременный. Внушающий надежду.

– Это твоя проблема.

– Ой ли...

Двойник отключил «редактор». Почти синхронно дзинькнул телефон.

– Десять баксов тебя не разорят... Так о чем мы? О проблемах? Ярослав, первый и последний раз в жизни ты держишь в руках судьбу. Мир. Мы взяли его за глотку.

Двойник поднялся. Грузный, нелепый, в обвисшей майке и слишком тесных плавках, делающих его гипертрофированно маскулинизированным. Он шагнул к Ярославу, положил руки ему на плечи.

Слабый неприятный запах изо рта. Зубы по утрам надо чистить...

– Мы взяли мир за глотку, Ярик. Мир слишком велик, чтобы заметить нас. Слишком огромен, чтобы размахнуться и раздавить. Что тебе в нем нравится, а что нет? Политика и власть? Президенты сдохнут от инфарктов, террористы взорвутся на собственных бомбах, сверхдержавы развалятся на штаты, республики собьются в империю. Все – как мы хотим. Странные грезы, тайные мечты, игры в откровенность, свой кусок славы и толстые пачки денег... Все – на ладони. Есть народы, которые тебе неприятны? Мне их жаль. Есть люди, которых ты готов удавить голыми руками? Если хочешь, ты сделаешь это лично. Присяжные устроят тебе овацию. Твои мечты – мечты мира. Твой взгляд – взгляд человечества. Только смахнуть с поля лишние фишки.

– За то, что они хотят иного?

– А это не повод?

Ярослав не отвел глаз.

– Кончай придуриваться, парень, – прошептал двойник.

– Ты – дерьмо, – прошептал Ярослав.

– Конечно. Оба мы – дерьмо. И нет в мире чистеньких.

Сколько раз ты убеждался, что под маской добра была грязь?

Пусть же хоть раз случится наоборот.

– Где они, Слава? – Он вздрогнул, произнося имя. Слово привязывал двойника к этому миру тонкой лентой слова, словно сам рвался напополам.

– В Москве. Нам надо поспешить.

– На самолете нам не улететь. Документы...

– Поезд даже удобнее, – улыбнулся Слава. – Мы успеем к окончательной разборке, когда слабых уже выбьют. Знаешь, мне не хотелось бы убивать мальчишку или старика.

8

Лязгнули вагонные сцепки. Шедченко качнулся, хватаясь за стену. Двойник придержал его под локоть резким и точным движением.

Он оделся, но ни джинсы, ни глухой свитер не сделали его похожим на гражданского. Рядом с ним Шедченко казался себе салагой-курсантом, нагло нацепившим полковничий мундир.

– Не волнуйся, – сказал двойник. – Сестра не пришла.

– С чего ты взял?

– Подумал. Пять утра, таксисты заломят немерено. Не волнуйся.

Проводница открыла дверь, их окатило холодным воздухом. Сонно щурясь, женщина посмотрела на двойника.

– Так вы в каком вагоне ехали?

– В девятом, – улыбаясь, сказал тот.

Они спрыгнули на перрон. Проводница задумчиво смотрела вслед.

– Проверит... – сказал Шедченко.

– Ну и пусть. Идем в здание.

С поезда сошли немногие. Обгоняя каких-то помятых хмурых парней, женщину с хнычущим ребенком, полупьяного мужика с огромной картонной коробкой, они пошли к вокзалу.

– Значит, так, – отрывисто сказал двойник. – Одна цель здесь, в городе. Это очень удобно.

– Я приехал к Сашке, – сказал Шедченко.

– Ничего с ним не случится. Умнее теперь будет. – Двойник покосился на него. – Коля, а ты, пожалуй, мне не веришь?

Веришь... Веришь – не веришь... Эксперимент...

– Я Жюля Верна только в детстве читал, – сказал Шедченко.

– Мало читал. Замылил книжку у Витьки Горчакова и прочитал. Что тебе еще рассказать? А? Как в восьмом классе с Лидой переспал? И решил, что мужик из тебя хреновый,

раз она ничего особенного не почувствовала.

Шедченко замедлил шаг. Повернулся к двойнику.

– Ты мне уже достаточно навспоминал. Да, я верю. Ты знаешь все, что знаю я.

– То-то.

– Но убивать я никого не собираюсь.

– Они не люди, – резко сказал двойник. – Как и я, конечно.

Информационные копии.

В здание они вошли молча. Вокзал был маленьким и грязным, построенным, наверное, еще до войны. Возле единственной работавшей кассы стояли несколько человек.

– Выпьем кофе, – решил двойник. – На втором этаже должен быть буфет. Помнишь?

– Нет.

– А вот я помню.

Никогда она не считала себя особенной. Старательной, упрямой, терпеливой – да. Но ничего более. Вокруг всегда были девчонки умнее и талантливее, симпатичнее, напористее, просто более контактные и веселые.

Каждому свое, наверное.

Наверное, где-то в глубине души Аня Корнилова все же думала, что судьба приготовила ей какую-то особую цель в жизни. Не думать так нельзя. Но даже эта мечта-надежда, даже она относилась не столько к ней, сколько к кому-то другому, подлинно великому. Рядом с ним она будет нужна и

полезна.

Из таких девушек получаются прекрасные жены гениев. Но вот только гениев обычно не хватает на всех.

Этой ночью Аня Корнилова нашла свое служение.

– Мальчик скоро поправится, – сказал тот... та... то, что пришло. – Он будет жить.

Анна кивнула. Она боялась говорить. Чудо могло исчезнуть, отвернуться от нее. Она ничем не заслужила...

– Избрана ты, – сказало то, что пришло.

– Как мне называть тебя?

Аня на мгновение удивилась своим словам. Она ведь знала имя...

Губы того, кто пришел в ее теле, дрогнули.

– Зови меня Марией.

Это было хорошо. Правильно. Анна кивнула, не отрывая взгляда от ее лица. О, она знает подлинное имя. Но если он хочет зваться именем своей матери, она повинуется его воле.

И, возможно, ему предстоит родиться еще раз?

– Так много зла, – прошептала она. Совсем тихо, даже не жалуясь – просто выплакиваясь. – Столько боли...

– Поверь, я знаю о боли все, – ответила Мария.

Они сидели друг напротив друга – две женщины в белых халатах. В глазах одной был огонь... в глазах другой уже не осталось ничего.

– Позволь, я налью тебе чай, – сказала Анна. Найденный смысл жизни нуждался в немедленной реализации.

– Будь проще, – сказала Мария.

Анна послушно кивнула, боком сдвигаясь к чайнику. Ей не хотелось отрывать глаз от его лица.

– Я пришла не одна, – сказала Мария. – Ты слышишь, Аня?

Да, она слышала. Она даже догадывалась.

– Шестеро, – сказала Мария. – Запомни, не один, а шестеро. Они отрицают меня. Они захотят убить меня. И многие станут помогать им, кто по злобе, кто по корысти, кто ошибаясь.

Анна замотала головой. Нет... только не это. Только не это!

– К ним нет милосердия, – сказала Мария. Это было так просто и правильно, что Анна лишь выдохнула облегченно. Нет милосердия. Нет прощения. Конечно!

Мария покачала головой.

– Нет, нет... Прощены будут все. Но лишь там. Вначале нам надо остановить их.

– Мы остановим, – сказала Анна.

– Да. Один из них уже рядом. Он пришел со своим земным братом. Он чувствует меня, но и я чувствую его. Мальчик, которого мы спасли, его племянник.

Анна вздрогнула. Волна отвращения прошла по всему телу.

– Он не в ответе за его грехи. – Мария знала все ее мысли. Это было так сладостно и легко – когда за тебя решает тот,

кто прав всегда. – Каждый получит свое.

– Я пригожусь? – тихо спросила Анна.

– Да. Ты мне понадобишься.

9

Владимир Романов заказал вторую кружку пива. «Гиннесс» на голодный желудок был резковат, но остальные сорта ему не нравились.

Рашид, похоже, сходил с ума. Владимиру был знаком тон, которым тот назначил встречу. Два раза он устраивал для Хайретдинова услуги Корректора, получая свою плату – не деньгами, конечно, а информацией и услугами в тех сферах, где просто деньги работали неохотно. Сейчас, через сутки после акции, Рашид явно собирался дать новый заказ.

Это что, в привычку переходит?

Сам он только раз обращался к киллеру, которого знал под странным прозвищем. Тот заказ стоил ему немало душевных мук – не так-то легко платить деньги, зная, что завтра они обернутся кровью знакомого тебе человека. Однако тот случай был крайний... И вполне возможно, что через день-два клиент Корректора оплатил бы его, Владимира, кровь.

Служить посредником было менее неприятно. Но не с такой же частотой!

Владимир отхлебнул черного пива. Покосился поверх

невысоких деревянных перегородок, делящих зал на кабинки, на вход.

Не спешит узбек. Свистнул ему, как мальчишке, и он прибежал на цырлах. А сам не спешит...

Вначале он увидел телохранителя Хайретдинова. Самого, наверное, преданного из той пятерки, что обычно его охраняла. Скуластый темнолицый татарин, неторопливо вошедший в «настоящий ирландский паб», огляделся и прошел в зал. Слегка кивнул Владимиру – этакая наглость породистого сторожевого пса – и сел в дальний угол, за столик, где тянул пиво охранник Романова. Наверное, они были неплохо знакомы – Владимир редко задумывался над такими вопросами. У слуг есть свой замкнутый мирок, в рамках которого они обсуждают хозяев, хвалятся ливреями... или своими смертоносными игрушками.

Рашид Гулямович вплыл в зал вальяжно и уверенно. Он, похоже, любил это уютное заведение, посещавшееся в основном иностранцами.

Ничего, вот покрутеешь еще немного, придется отказывать себе в народных удовольствиях...

Владимир слегка привстал, и узбек подошел к столику.

– Здравствуй, Володенька...

– Рад тебя видеть, Рашид. – Он пожал мягкую ладонь.

Подоспевшей официантке Хайретдинов только кивнул. Наверное, та знала его обычный заказ.

– Как самочувствие?

Владимир только махнул рукой, не отрывая взгляда от лица Хайретдинова. Уверенного, очень как бы мягкого лица.

Что ты тянешь, азиат чертов...

Перед Хайретдиновым поставили кружку светлого пива. Рашид Гулямович отпил, снова перевел взгляд на Романова.

– У меня есть к тебе предложение. По пяти позициям.

Романов едва не расплескал поднятую кружку.

– Рашид... это много.

– Понимаю, дорогой. Но ты не первый день дела ведешь, верно? А позиции легкие, осилим.

Он достал из кармана листок. Положил на стол перед Владимиром.

– Перепиши.

Романов взял листок, слегка удивляясь тому, что пальцы не дрожат.

Зальцман Аркадий Львович. Москва. Философ.

Корсаков Кирилл. Москва. Школьник.

Владимир посмотрел на Хайретдинова, немо спрашивая, те ли «позиции» ему предложили. Рашид Гулямович кивнул.

Шедченко Николай Иванович. Киев. Должен находиться в городе Сасово. Военный.

Заров Ярослав Сергеевич. Алма-Ата. Должен приехать в Москву. Писатель.

Корнилова Анна Павловна. Сасово. Врач.

Романов, сминая листок, поднес к губам кружку. Глотнул.

– Я не понимаю... – Хрипотца прорезалась в голосе даже

после пива.

– Чего? Мало данных? Ты говорил, что твой сотрудник работает и по таким...

Он то ли действительно не понимал, то ли издевался. Философ, школьник, военный, писатель, врач... Мать Божья, зачем?

– Я не понимаю смысла этого предложения, – повторил Романов.

– А это обязательно? – Хайретдинов протянул руку, выдирая из его пальцев скомканный листок. Бережно разгладил.

– Нет, но... – Романов заколебался. Как отреагирует Корректор на предложение убить пять непричастных ни к бизнесу, ни к политике лохов? Включая ребенка. – Я хотел бы понять сам. Понимаешь, позиции... странные.

– Скажем, так – оставить их на рынке крайне вредно для дела. – Рашид Гулямович вновь положил листок на стол, слегка прихлопнул рукой.

Информация? Они что-то узнали... увидели?

Романов вновь посмотрел на фамилии.

– Мой сотрудник в отпуске. Была... э-э... незапланированная работа. Он появится лишь через неделю.

Хайретдинов пристально смотрел на него.

– С ним сложно связаться! – произвольно повышая голос, сказал Романов. – Я звоню и оставляю заказ, он звонит и забирает. Все. Никаких вариантов не предусмотрено. После работы он всегда отдыхает с неделю.

Узбек, похоже, поверил. Слава Богу. Романов сказал правду, но вряд ли она могла понравиться.

– Давай подумаем, а? Это хорошее предложение. – Рашид Гулямович перевернул бумажку, махнул официантке.

Ему принесли еще кружку. Романов все никак не мог осилить вторую.

Пятеро. Совершенно неожиданные клиенты. Впрочем, это совсем не минус, отнюдь. Как будут расследовать убийство провинциального врача или московского школьника?

Тяп-ляп... Ревнивый муж, обкурившиеся юнцы...

На таких делах не делают карьеры. Никто не объявит многомиллионной награды.

Никому такие люди не нужны, вот потому их и не убивают. Но если уж узбек сходит с ума... почему бы не воспользоваться? Он посмотрел в глаза Хайретдинова.

Спину обдало морозцем.

– Воспользуйся, – кивнул Хайретдинов. – Это будет очень выгодный контракт.

Господи, он что, мысли читать научился?!

– Только через неделю, – уже с легкой досадой сказал Романов. – У меня нет экстренного канала.

– Непредусмотрительно.

– Очень ценный работник. – Владимир попытался улыбнуться. – Экстра-класс. И очень независимый.

– А другие?

Романов наконец-то допил пиво. Хватит на сегодня. По-

хоже, день выйдет занятой.

– Есть... – неохотно сказал он. – Похуже, конечно.

– Так и дело несложное.

Ну да... прирезать старую врачиху... или молодую – даже проще. Придушить в подъезде мальчишку. Трахнуть молотком по голове старого пердуна...

Он полез в карман за авторучкой.

– Да, – небрежно обронил узбек. – Все заказы – двойные.

Они близнецы.

Кто-то определенно сходил с ума. То, что Хайретдинов стал говорить открытым текстом, наводило на догадку, кто именно.

– Здесь чисто, – проводя ладонью по темной полировке стола, произнес Хайретдинов. – Так повторяю – заказы двойные. И оплата тоже.

– Я ничего не могу гарантировать, – сказал Романов.

– А ты не гарантируй. Ты просто сделай.

– Возможно, они возьмут не весь заказ.

Рашид Гулямович побарабанил пальцами по столу.

– Хорошо. Хотя бы часть. Первые две позиции. Там – посмотрим.

10

Двое мальчишек вынырнули из перехода одновременно. Вряд ли кто-то заметил, что они похожи, слишком уж по-

разному оба были одеты.

– Давай я пойду, – сказал на бегу Визитер. – Ты не сможешь.

– Почему?

– Ты не веришь в себя.

Они остановились у цепочки ларьков. Кирилл перевел дыхание, глядя на Визитера. Честно говоря, он вообще не понимал, что тот собирается делать.

– Постоишь, съешь сосиску, – дружелюбно продолжил Визитер. – Я быстро. Полчаса – и здесь.

– Если опоздаешь, я уйду, – сказал Кирилл. – Мама к двум придет домой.

– Не опоздаю. – Визитер хлопнул его по плечу. – Только далеко не отходи.

Он снова побежал. Школа была рядом, только свернуть за угол... Кирилл вздохнул, провожая его взглядом. Повернулся к запотевшей витрине, разглядывая выложенную из видеокассет стенку. Парень, скучающий в глубине киоска, задумчиво уставился на него.

Кирилл молча разглядывал наклейки.

Минут через пять его отодвинул в сторону какой-то покупатель. Кирилл перешел к следующему ларьку. Изучать длинные ряды бутылок со спиртным было глупо, но ему хотелось чем-то занять глаза.

Здесь торговали две девушки. Одна курила с задумчиво-печальным видом, вторая говорила, энергично жестику-

лируя. Потом та, что с сигаретой, кивнула в сторону Кирилла и что-то сказала. Девушки засмеялись.

– Дуры, – прокомментировал Кирилл, отходя дальше.

Когда он прошел весь ряд и посмотрел на часы, прошло уже полчаса.

Визитер не вернулся.

– Я же тебе говорил – надо домой успеть! – произнес Кирилл в пространство.

Снова начинало накрапывать. Кирилл накинул капюшон и вернулся к ларьку с кассетами.

– Ну и дела, – сказал Максим. – Да...

Визитер выловил одноклассника Кирилла на перемене. Сейчас они сидели в том закутке школьного двора, который был негласно принят учителями как детская курилка. Слугин вытянул пачку, размял сигарету и закурил вновь.

– Может, я ребят позову? – размышлял вслух Максим. – Старших...

– Не надо. – Визитер покачал головой. С козырька сорвались дождевые капли. – Макс, мне нужен ствол. Я сам разберусь.

Увести словами Слугина было несложно. Он слишком хорошо относился к Кириллу. Интуитивно осторожный в других случаях, с ним он начисто терял способность к критике.

– Думаешь, просто? – с легкой обидой спросил Слугин. – Я бы дал, но у меня нет. На фиг надо нарываться.

– Ладно, извини. – Кирилл поднялся.

– Эй, перестань! – Максим схватил его за руку. – Я тебе кто?

– Друг.

– Какой? – требовательно продолжил Максим.

– Один из лучших.

– Вот. А я для друзей все сделаю... – Слугин запустил окурок в лужу. – У Дениса Шадрина есть. Он иногда в школу таскает.

– Газовый?

– А тебе что, гранатомет нужен? – Максим слегка обиделся. – Сиди здесь.

...У подъезда Карамазов остановился.

Неудача – он чувствовал ее. Он снова облажается. Мальчишка выскользнет так же, как старик...

Выматерившись вполголоса, Илья вошел в подъезд. И почти сразу услышал шаги – со второго-третьего этажа кто-то спускался.

Карамазов отчаянно вдавил кнопку лифта. И тот, словно отзываясь на его ярость, распахнул дверцы. Илья ввалился в пустую кабинку, ударил ладонью по кнопкам. Лифт дернулся.

Восьмой этаж... правильно, туда он и собирался.

Карамазов глубоко вдохнул. Тьма вновь взяла его под крыло?

Главное – быстрота.

Лифт остановился. Карамазов глянул на пустую площадку, переложил пистолет в карман плаща.

Двери начали сходиться. Он зло толкнул их локтем, выходя. Посмотрел на дверь той квартиры, куда его тащил заказ.

За ней кто-то был, он чувствовал.

Илья позвонил в меру долго. Замер со скучающим лицом. Глазок на миг потемнел.

– Кто там? – спросил женский голос.

Мысленно Карамазов записал за Тьмой еще один должок.

– Добрый день. Корсаковы здесь проживают?

Пауза...

– Да. Что вам надо?

Илья неспешно полез во внутренний карман. Достал красную «корочку» – очень убедительную, с хорошей фотографией и прекрасными печатями.

– Я из райотдела.

Дверь приоткрылась. Илья подал вверх цепочки – хорошей, массивной – удостоверение. Женщина, пристально взглянув в его лицо, раскрыла «корочку». Карамазов терпеливо ждал.

– Что случилось? – возвращая почти настоящий документ, спросила женщина.

– Я по поводу вашего сына. – Илья вздохнул. – Он попал в неприятную историю.

Дверь открылась.

– Входите, Геннадий Олегович.

Карамазов вошел в квартиру Корсаковых. Посмотрел на женщину. Красивая и очень, очень уверенная в себе. Ни тени паники.

– Где мой сын?

– В школе, полагаю? – вопросом ответил Илья. – Нам надо поговорить о нем.

– Вот тапочки... впрочем, ничего. Не разувайтесь. Будете пить чай?

– Спасибо...

– Людмила Борисовна.

– Не откажусь. – Илья благодарно кивнул, проходя вслед за женщиной на кухню. С любопытством огляделся. Он любил изучать такие вот срезы чужой жизни, уже падающей в невидимую хозяевам пропасть.

Чистенько. Старенький польский гарнитур – вершина мечтаний в советские времена. Запах разогретых котлет из закрытой сковородки на плите. Илья опустился на табуретку у окна.

– Так что случилось? – Мать клиента поставила перед ним чашку. Карамазов взял ее обеими руками, грея озябшие ладони.

– Я бы попросил вас рассказать о мальчике. Вы не заметили в его поведении ничего странного в последние дни?

Визитер смотрел на приближающегося Максима. Тот был один, но слишком уж довольный собой.

– Что бы ты без меня делал? А? – Слугин пихнул его в плечо.

– Не знаю, – честно ответил Визитер.

Максим огляделся и запустил руку за пазуху.

– Держи.

Визитер осторожно взял оружие. Пистолет был не слишком большим и почему-то гораздо легче, чем казался на взгляд.

– Он настоящий?

– Дурак, он газовый. Вот здесь предохранитель, а здесь... – Максим захохотал, сам изумленный собственным остроумием. – Курок!

– Угу. – Визитер щелкнул предохранителем.

– Эй, поставь обратно! Это не игрушка! – Максим заволновался.

Визитер послушно вернул предохранитель на место. Засунул оружие за ремень, как делали в каком-то кино. Застегнул курточку.

– Яйца отстрелишь, – мрачно сказал Максим. – Предохранитель сдвинется, курок заденешь – и привет.

– Он же газовый.

– Ну и что? Тут патроны через один с дробью. Мало не покажется.

– А сколько патронов?

– Восемь. Через два дня вернешь. За каждый патрон, если истратишь, по баксу. И запомни – я тебе ничего не давал. Я-то прощу, тебя дружки Дениса уроют.

Визитер посмотрел в глаза Слугина. Он тоже не простит, конечно.

– Макс, а как меня ребята называют?

Слугин наморщил лоб.

– Поэт... Ты чего, не знаешь?

– А еще как?

Максим пожал плечами.

– Ладно. Спасибо, Макс. Мне пора.

– Я же твой друг, – с легким сожалением сказал вслед Слугин. – Слушай, ты так не носи. Seriously.

...Кирилл потрянул рукой с часами, словно надеясь, что стрелки пристыженно вернутся назад. Два пятнадцать. Мама уже дома, и, конечно, ему попадет. Может, позвонить? Он полез в карман, нащупывая жетончик. И увидел Визитера, выходящего из-за угла.

– Пацан!

Кирилл обернулся к подавшемуся в окошко парню. Похоже, продавцу кассет надоело скучать.

– Присмотрел что-нибудь?

– А у вас есть кино про мальчишку, который убил пятерых взрослых?

Парень растерянно смотрел на него. У мальчишки был слишком серьезный вид. Даже заинтересованный.

– Как называется?

– Я не знаю, его еще не сняли.

– Вали-ка отсюда, – задвигая стекло, посоветовал парень. Кирилл улыбнулся той своей улыбкой, что заставляла взрослых умиляться.

Но парень едва ли мог считаться взрослым. Он проводил мальчишек-близнецов взглядом, очень далеким от симпатии.

– Вы должны меня понять... – Людмила Борисовна вздохнула. – Кирилл – очень ранимый мальчик. Очень талантливый. Вы знаете, что у него выходила книжка стихов?

Илья на всякий случай кивнул.

– Я вот не могу даже представить, откуда у него это. – Казалось, женщина повторяет отрепетированную назубок роль. – Разве что по отцовской линии... – Грустная улыбка. – Вы пейте, пейте чай. Давайте я налью еще.

– С удовольствием.

– Конечно, я немного понимаю в этом, у нас была очень интеллигентная семья. Я росла на классиках и Кириллку учила. Но вот откуда этот дар, Бог знает! – Она развела руками. – Он очень занятой мальчик. В школе почти и не по-

является, а экзамены сдает шутя. На телевидении ведет детскую программу. Занимается в театральной студии два раза в неделю.

Илье показалось, что его затягивает в какой-то омут. Мальчик становился все более бриллиантовым.

И по-прежнему непонятно, почему его надо убить.

– Он почти не общается со сверстниками, мне даже его немного жалко... Откуда у него может найтись время на дурную компанию – не представляю!

Карамазов промолчал. Но женщина ждала. Все они так любят принуждать к беседе. Им не собеседник нужен – автоответчик.

– Понимаете, Людмила Борисовна, ваш сын просто узнал некоторые вещи, достаточно опасные. И кое-кто может решить припугнуть его... избить.

Женщина слегка побледнела. Вот так-то.

– Не понимаю, что он мог узнать?

Илья молча пил чай.

– Это не связано с детским клубом, куда он ходит?

– Каким клубом?

– «Штурман». Там и впрямь очень симпатичные ребята... но... такие, не от мира сего. У них руководитель Юрий Тикунов, представляете, работает сейчас за границей, но иногда звонит Кириллке, общается, как со взрослым.

– Нет, – успокоил ее Илья. – Просто случай. Полагаю, будет лучше, если это расскажет сам мальчик.

Женщина кивнула. Вся ее уверенность куда-то исчезла.

– Жизнь сейчас такая... тяжелая, – словно и не к нему обращаясь, сказала она. – Во всех смыслах. Я очень много времени провожу на работе. Кириллка очень самостоятельный, он сам многое планирует. Но все это вокруг, вся эта грязь, кровь...

– Жестокое время, – согласился Илья. – Поверьте, я это знаю лучше многих.

– Вас профессия обязывает.

– Да, конечно.

– Знаете, вот на днях Кирилл меня так поразил... – Людмила Борисовна грустно улыбнулась. – Валяется на кровати, читает Данте...

– «Декамерон»? Не рано ли? – поинтересовался Илья.

– Нет, – после паузы ответила женщина. – «Декамерон» – это Боккаччо. А Данте написал «Божественную комедию».

В ее взгляде было полностью сформировавшееся мнение о милицейских работниках.

Илья виновато развел руками.

– Но в общем-то вы правы. Конечно, для ребенка это преждевременная книга, но Кирилл – он очень развитый мальчик. Так вот...

Карамазов почувствовал, что его терпение достигло предельной грани. Похоже, убить такого талантливого ребенка будет даже приятно.

– Так вот. Читает Данте. Потом говорит: «Мама, знаешь,

почему-то люди так прекрасно представляют ад. Можно карту начертить. А вот рай абсолютно не прописан». Это в тринадцать лет, представляете?

Илья внезапно ощутил легкий интерес.

– А чему тут удивляться? Просто рая не существует.

– То есть? Нет, я тоже неверующая, но...

– Да при чем тут это? – Илья поморщился. – Нет рая. Ад есть, а рая нет. Правильно все.

– Вам еще чаю, Геннадий Олегович? – помолчав, спросила женщина.

– Нет, спасибо.

Она смотрела на него как-то странно. Очень странно. И что он такое ляпнул... идиот!

– Знаете, мне надо сейчас уйти, – сказала Людмила Борисовна. – Вы извините, может быть, вечером...

Илья достал пистолет.

– Я не могу вам это разрешить.

Женщина перевела взгляд с оружия на его лицо.

– Что вам надо? Кто вы?

Никакой истерики. Только собралась еще больше.

– Мне надо поговорить с вашим сыном. Убедить его не разглашать некоторую информацию.

Это была очень удобная версия. Она давала женщине надежду, удерживала от безрассудства.

– Вы лжете, – сказала Людмила Борисовна. – Вы убьете и его, и меня.

– Я надеюсь обойтись без подобной меры. – Илья чувствовал себя все более неуютно. От напора этой женщины, ее уверенности, наглости. Сука. Все они суками становятся, когда вырастают.

– Тогда вы можете уйти. Я поговорю с Кириллом. Можете поверить... – Ее голос впервые дрогнул. – Он будет молчать. Я заставлю его. Я мать.

Илья покачал головой.

Они просидели так с минуту, разделенные столом с пустыми чашками. Илье все больше и больше хотелось опорожнить мочевой пузырь. Все этот сволочной чай, кофеины, отравя жидкая. Будь под прицелом мужчина, он бы просто помочился на пол. Но при этой...

Ему захотелось спустить курок немедленно.

– Я вас прошу, не трогайте сына, – сказала женщина. – Господи, да он ничего и никому не скажет! Я вам гарантирую! Я мать!

Она что, считает свою биологическую функцию талисманом?

– Отойдите к стене и повернитесь спиной, – сказал Илья. Помочиться хотелось так сильно, что мошонка поджималась к животу.

– Нет!

– Я не собираюсь... – начал Илья. И замолчал – из подъезда донесся гул останавливающегося лифта. Потом в замке провернулся ключ.

Карамазов приложил палец к губам. Осторожно поднялся, сразу стало полегче. Конечно, женщина понимает, что умрет. Но она будет послушной, ей хочется верить...

– Мам, ты дома?

Илья вздохнул. Он услышал голос клиента. Звонкий мальчишеский голос. Прекрасно, работа началась...

– Беги, Кирилл! – Людмила Борисовна вскочила, бросаясь на Карамазова. Каким-то дурацким рывком протянула руки к пистолету. Илья еще успел удивиться человеческому безумию. Ведь мог же у нее быть шанс, если бы он не врал! Действительно, мать...

Он выстрелил дважды, почти в упор, и женщину отшвырнуло к плите. Она всхлипнула, попыталась встать, все еще не отрывая взгляда от Ильи.

Карамазов выстрелил третий раз. Повернулся к двери в коридор. Ни один хороший мальчик не слушается матери, когда ей грозит опасность...

Никого. И топот ног на лестнице.

Сгибаясь от рези в животе, Илья вывалился в подъезд. Побежал вниз, прыгая через ступеньки.

Ребенок не может убежать от взрослого.

На мгновение он увидел краешек голубой нейлоновой куртки, мелькнувший на площадке ниже. Выстрелил, почти не целясь. Глушитель уже сдыхал, выстрел гулко отозвался на лестничных клетках. Взвизгнула пуля, рикошетируя от стены.

Мальчишка не упал.

Илья обогнул лифтовую шахту в тот миг, когда дверь подъезда захлопнулась. Он бросился к ней, мимолетно восстанавливая в памяти пространство перед домом.

Успеет... Он успеет, а не мальчишка.

Пинком распахнув дверь, он слегка согнулся, сжимая пистолет в вытянутых руках. И увидел клиента.

Клиентов – мальчишек – было двое. Они разбегались в разные стороны.

– Бля... – выдохнул Илья, пока ствол пистолета дергался слева направо. Кто же из них? Заказ был на одного, он это чувствовал явно... Так вот почему лица двоились...

Один из мальчишек свернул за угол. Илья едва не выстрелил вслед второму... Бесполезно на таком расстоянии и из такого оружия.

Мишени исчезли.

Карамазов быстро обернулся, проверяя, нет ли кого-то в подъезде. Но идиотов не нашлось.

Бежать, бежать... И ждать ночи, ждать сна, когда тьма выскажет все о сегодняшней работе.

Низко наклоняя голову, Илья выбежал из подъезда. Двадцатью метрами выше, скользя на залитом кровью полу, женщина пыталась подползти к окну – и успеть увидеть, чем кончилась погоня. Она старалась почти минуту, потому что была матерью.

Но так и не успела – потому что была всего лишь челове-

12

Ярослав открыл дверь. Бормотание телевизора он услышал еще на площадке второго этажа.

– Тише сделай! – крикнул он в комнату.

– Иди сюда! – так же громко ответил Слава.

Не разуваясь, Ярослав прошел на голос.

Шли новости. Показывали какой-то дом с полуобвалившимся, словно снесенным чудовищным ударом углом. Его окружали милицейский кордон, пожарные машины, спасатели в белых комбинезонах.

Потом мелькнуло профессионально соболезнающее лицо, едва не вгрызающееся в микрофон.

– Говорить о террористическом акте пока преждевременно. Скорее всего причиной взрыва стала неисправность газового оборудования. Семеро погибших, включая одного ребенка, трое пострадавших, доставленных в больницу, – вот неполный итог этого трагического...

– Шакал, – с ненавистью сказал Ярослав. – Трупоед.

– Любишь журналюг, – ухмыльнулся Слава.

– Обожаю.

– Миллионы газовых плит, которые советская власть считала едва ли не главным своим достижением, – скороговоркой продолжал репортер, – стали бомбами замедленного

действия в домах москвичей...

– А иных городов, кроме Москвы, в природе не существует. – Слава тихо, зло засмеялся. – Стоило бы еще упрекнуть лампочки Ильича, которые иногда лопаются.

– Зачем ты смотришь это дерьмо? – Ярослав прошел к телевизору, щелкнул выключателем. Возбужденное лицо репортера сжалось в точку, исчезая.

– В этом доме жил один из Визитеров. Старичок профессор. – Слава не сделал попытки подняться из кресла.

Ярослав помедлил, прежде чем спросить:

– Минус один?

– Нет. Я не чувствую, что он ушел. Видимо, старику повезло.

– А кто... и как?

– Как это сделано? Очень просто. Открытые газовые краны и костерок в углу. Объемный взрыв, малоприятная штука. А вот кто...

Слава развел руками.

– Не знаю, Ярик. Я не ожидал таких быстрых действий. Знаешь, включил бы ты телевизор...

Все же он сказал это слишком поздно, чтобы они успели увидеть женщину на окровавленной кухне. Зато они узнали прогноз по различным районам Москвы, кое-что о погоде в Санкт-Петербурге и совсем чуть-чуть о температурах в провинции.

– Вот билеты. – Ярослав кинул розовые бумажки на стол. –

Поезд через три часа. Давай поедим.

Слава кивнул.

– Что с тобой?

– Семеро.

Ярослав не сразу понял:

– Ты о погибших?

– Да. Обычно Визитеры не действуют так грязно.

– Обычно? – Ярослав шагнул к нему. – Что ты об этом знаешь? Где и когда они действовали?

Слава покачал головой.

– Это просто фраза. Успокойся. Я не знаю истины, ведь и ты никогда не стремился ее узнать.

...За три тысячи километров от них Аркадий Львович молча смотрел в экран старого черно-белого телевизора. Новости уже кончились, шел рекламный блок.

Его двойник разжигал печку. Маленький дачный домик был выстужен насквозь, и вряд ли эта жалкая пародия на буржуйку могла его согреть.

– Ребенок – это, наверное, Леночка, – сказал Аркадий Львович. – Дочка Зинаиды Романовны.

– Да, наверное. – Двойник с кряхтением сел на корточки. Попытался переломить трухлявую доску, не смог, покачал головой и принялся всовывать ее в печку.

– Кто это сделал? – прошептал Аркадий Львович. – А?

– Тот, с кем я пытался разговаривать по телефону. – Ста-

рик прижал к лицу грязные ладони. – Но кто он...

– Может быть, наемник?

Худые плечи дрогнули.

– Не знаю. Понимаешь, он словно был одним из нас. Но я не знаю о нем.

– Такое бывало прежде? – В Аркадии Львовиче проснулся какой-то сухой, академический интерес. Это позволяло забыть о доме, превратившемся в бетонное крошево, о тех, с кем он привык здороваться на лестнице.

– Н-не совсем. Был случай, когда одного Посланника долго не могли вычислить. Он как бы... самоорганизовался. Появился без должных оснований. Но он никогда не действовал такими методами.

– Ты что-то темнишь.

– Почему же? Просто ты не должен в него верить – ни как атеист, ни как еврей.

– О Господи...

– Поздновато вспомнил.

– И кто же победил... тогда?

– Неужели не понятно? Христианство возникло вопреки всем законам общества, бывшего две тысячи лет назад.

Аркадий Львович молча отошел в угол, лег на железную койку, застеленную старыми одеялами. Он не снимал пальто – здесь было очень сыро. По запотевшему стеклу чертили дорожки редкие капли, сбиваясь на подоконнике в прозрачную кляксу.

– Слушай, мне надо как-то тебя называть, – сказал он.

– Визард.

– Что?

– Визард. Колдун. Это созвучно именам двух других Посланников.

– Ты и вправду умеешь колдовать, Визард?

– Немного.

– Скажи, они найдут нас здесь?

– Не раньше следующего утра. Знание приходит ночью, так уж повелось.

13

В тот миг, когда Илья Карамазов убил его мать, Кирилл ничего не почувствовал. Он все же рванулся на ее крик, рванулся внутрь, в квартиру, но Визитер схватил его за плечо, оттаскивая в подъезд.

Это был лишь миг – тот ожидаемый Ильей поступок, который мальчик должен был совершить, который стал бы его последней ошибкой. Дальше был лишь страх.

Они бежали вниз, отталкивая друг друга на поворотах, а сверху доносился чей-то топот. Кирилл чуть отстал и краем глаза успел заметить серый силуэт на два пролета выше. Потом что-то взвизгнуло над плечом, и время словно замедлилось – он увидел неглубокую борозду в стене, оставленную пулей.

Его хотели убить. Даже не Визитера – его...

Кирилл вылетел из подъезда, спотыкаясь, едва не падая. Страх придавал ему силы – он догнал Визитера, который остановился, приплясывая за дверью.

– Направо! – крикнул Визитер, вновь срываясь с места.

Кирилл побежал, слишком поздно сообразив, что его двойник свернул влево. Они разделились мгновенно и с каждым мгновением удалялись все дальше друг от друга. На бегу Кирилл попытался представить, куда бежит Визитер, но почти сразу отказался от этой попытки. Слишком много было вариантов. Сейчас тот уже мог добежать до площади Борьбы, сесть в трамвай или рвануть к метро... Кирилл не представлял, как бы он поступил сам, значит, и Визитер поступит совершенно случайно.

Мальчишка свернул у транспортного института, побежал, лавируя между прохожими, постепенно замедляя бег, понимая – убийца не станет преследовать его на улице. Не идиот же, его заметят, кто-нибудь вызовет милицию...

Он все же обернулся, пытаясь узнать в идущих следом ту серую тень, что протягивала к нему руку с пистолетом. Никого похожего. Он убежал.

беги, Кирилл!

Его обдало холодом, когда он вспомнил крик мамы. Кирилл стиснул кулаки, остановился, борясь с желанием вернуться. Да нет, убийце был нужен Визитер – ну и он, может быть.

Но когда он вернется домой...

Кирилл замотал головой. Нет. Нельзя. Будет только хуже. Убийца знает, где он живет, и не может отличить его от Визитера. Он должен прятаться... может быть, на вокзалах...

Ему снова стало не по себе. Кирилл уезжал из Москвы только раз, семь лет назад. Все что запомнилось с той поездки, – это плывущие за вагонным окном, к которому он прилип, села и перелески, толкотня на перронах, потом – огромное, бесконечное, теплое море, в которое он врывался с визгом и полной уверенностью – доплыть до другого берега совсем легко.

Сейчас вокзалы были другими. Безумно мечущиеся люди, но уже не в той суеде поездки, что была когда-то, а словно напуганные чем-то. Грязные, словно из задницы вылезшие, существа в углах и под лестницами, когда-то тоже бывшие людьми, но стремительно утрачивающие остатки сходства. Среди них были и дети – Кириллу всегда делалось не по себе, когда он видел их.

Взрослые могли быть кем угодно – пьяницами, наркоманами, неудачниками, – они лишь напоминали, что в жизни легко можно проиграть. Дети с холодной злобой в глазах и улыбкой затравленных волчат словно безмолвно кричали: «Тебе просто повезло. У тебя есть дом и мама. Но это случай. Ошибка. Ты должен быть с нами». Он вспоминал их взгляды, когда случайно натыкался на таких, – взгляды мелкого хищника, оглядывающего жертву.

Нет. Только не вокзалы.

Кирилл бродил по улицам часа два. Несколько раз звонил домой – вначале трубку никто не брал, потом отозвался незнакомый мужской голос. Ему стало не по себе. Он выскочил из-под прозрачной каски таксофона, даже не повесив трубку.

Он ждет его?

Кирилл добрел до какого-то супермаркета, не размышляя, вошел в слякотное тепло. Народу было немного. Он побрел вдоль прилавков, потом купил в баре кусок пиццы. Съел ее, не почувствовав вкуса.

Что-то заставило его дойти до отдела электроники. Здесь работало несколько телевизоров – по двум крутили кассеты с видеоклипами, остальные были настроены на местные каналы.

Свой дом он узнал сразу. Это был горячий выпуск новостей – той популярной бригады, что носится по городу, прослушивая милицейскую волну и успевая на место преступления едва ли не самой первой.

– Нет, – прошептал Кирилл.

Звук в телевизоре был отключен, наверное, чтобы не заглушать голос певца с другого аппарата. Под нервный гитарный перебор Кирилл смотрел на покачивающиеся в такт шагам оператора стены подъезда. Наплыв – на шрам в стене, и так отпечатавшийся в памяти. Кирилл зажмурился. Когда он открыл глаза, оператор стоял у открытой двери – у его

квартиры. Молодой парень в форме что-то говорил, виновато улыбаясь. Не пускал внутрь?

Потом оператор отступил на шаг, и Кирилл увидел, как выносят носилки, прикрытые белой простыней. Простыня была в бурых пятнах.

Он не заплакал. Словно окаменел, глядя, как уносят его маму.

Лицо репортера, опять – неслышная скороговорка... На несколько секунд – фотография во весь экран. Его фотография.

Кирилл отступил на шаг.

Голос певца, скользивший где-то по краю сознания, внезапно стал отчетливым, почти материальным. Кирилл схватился за него, как за спасательный круг, жесткий, холодный, но дающий хоть какую-то надежду удержаться.

Плачь! Мы уходим отсюда – плачь,
Небеса в ледяной круговерти...
Только ветер сияния – плачь!
Ничего нет прекраснее смерти...

Кирилл Корсаков, потерявший все, что составляло его жизнь, вышел из магазина. Нет, он так и не заплакал. Плакать – это порой слишком мало. Он встал к таксофону у входа. Телефон милиции – бесплатно... Кирилл опустил руку в карман. Если у него не осталось жетонов, то он наберет «ноль-два».

Жетон льдинкой коснулся пальцев.

Кирилл набрал номер. Единственный, что смог вспомнить.

– Алло...

Слышно было очень плохо.

– Валя, это ты?

На мгновение Кириллу захотелось, чтобы Валентина Веснина, которого он, как и всех взрослых из клуба «Штурман», звал просто по имени, не оказалось дома.

– Да. Кирилл?

– Привет, Валь...

Пауза.

– Кирилл, у тебя что-то случилось?

Как сказать? Что можно сказать?

– У меня все случилось.

Снова тишина.

– Кирилл, ты где? Мне приехать?

– Я... я сам приеду. – Он проглотил возникший в горле комок. – Валя, не говори никому, что я звонил. Ладно?

– Ты с мамой поссорился? – осторожно спросил Веснин.

Кирилл повесил трубку. Быстро, чтобы не услышать больше ничего. Чтобы не захотелось ответить, крикнуть: «У меня больше нет мамы!»

Еще секунда, и он бы не выдержал.

– Плачь! Мы уходим отсюда – плачь...

Он все-таки не заплакал.

Визирь дождался, пока стихли вежливые аплодисменты, и покивал, глядя в зал. В зале было почти две сотни идиотов. Но, по мнению психолога, выступление во Всероссийской лиге любителей шашек было чем-то полезно для предвыборной кампании.

– Я признателен за приглашение в ваш дружеский круг... или квадрат? – Рашид Гулямович улыбнулся. – Признаюсь, первая игра, в которую я научился играть, это были шашки...

Идиоты в зале терпеливо слушали. Они были разного возраста, даже молодых хватало. Мелькали и женские лица, несколько, как ни странно, показались в полумраке симпатичными.

– Знаете, вот шахматы – прекрасная игра, – продолжал Визирь. – И ее очень любят поддерживать и политики, и бизнесмены. Считается, что шахматы и есть вершина интеллектуальных игр. А так ли это? Мы, политики, порой спешим. Хватаемся за что-то одно хорошее, а про остальное забываем. Стремимся к развитому, демократическому государству, а все завоевания наших отцов оставляем в тени. Так и с вашим искусством. Оно сейчас в тени – незаслуженно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.